

Алена Норд

**Точка
невозврата**

18+

Алена Норд
Точка невозврата

«Автор»

2025

Норд А.

Точка невозврата / А. Норд — «Автор», 2025

Молодая женщина-Анна, живущая в эмоциональном и профессиональном тупике, в отчаянной попытке сбежать покупает тур в Португалию, где ее жизнь навсегда меняется после встречи с опасным и загадочным мужчиной, что заставляет ее выбирать между безопасной, серой жизнью и запретной страстью, полной риска и смысла.

© Норд А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Невидимая жизнь	5
Глава 2. Разбитые ожидания	9
Глава 3. Утро после	11
Глава 4. Точка невозврата	15
Глава 5. Первый вздох свободы	20
Глава 6. Город, вышитый солнцем	23
Глава 7. Ключи от свободы	28
Глава 8. Золотой вечер в Алгарве	31
Глава 9. Запертые в тишине	36
Глава 10. Ангел-хранитель с пистолетом	40
Глава 11. Оживший дом	45
Глава 12. Пять минут до тишины	49
Глава 13. Ночной звонок	53
Глава 14. Приглашение домой	61
Глава 15. Возвращение к синим ставням	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алена Норд

Точка невозврата

Глава 1. Невидимая жизнь

Глава 1. Невидимая жизнь

Часть 1: Утренний ритуал

Проклятый будильник впивался в рассветное затишье, словно сигнал тревоги. Миша, не открывая глаз, протянула руку из-под одеяла и нащупала на прикроватной тумбочке холодный экран телефона. Шесть утра. Понедельник. Опять.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам за стеной: равномерное, чуть храпящее дыхание мужа. Сергей всегда спал как убитый. Иногда ей казалось, что он и правда где-то далеко, а здесь, в их спальне, лежит лишь его оболочка. Она повернулась и в слабом утреннем свете, пробивавшемся сквозь жалюзи, разглядывала его профиль. Высокий, статный, с густыми темными волосами и правильными чертами лица. Таким же красивым, каким она увидела его пять лет назад в автошколе. Тогда его голубые глаза, такие же ясные, как и у нее, смотрели на нее с таким обжигающим интересом, что у нее подкашивались ноги. Теперь они чаще всего были устремлены в экран телефона.

Душ не смыл липкую пелену усталости. Миша смотрела на свое отражение в запотевшем зеркале. Ее каштановые кудри, обычно пышные и упрямые, сейчас мокрыми сосульками лепились к плечам. Большие голубые глаза, которые когда-то называли «невероятными», казались потухшими. Пухлые губы, которые Сергей когда-то сравнивал с лепестками пиона, были плотно сжаты. Фигура «песочные часы», за которой она так тщательно следила в институте, теперь была надежно спрятана под бесформенным баннным халатом. Она была хороша собой, это она знала по редким оценивающим взглядам на улице, но в этой жизни ей словно негде и не для кого было этой красотой блистать.

Завтрак прошел в молчании, нарушаемом лишь щелчком ложки о керамическую кружку и шелестом страниц новостной ленты на планшете Сергея. Он в своей безупречной белой рубашке, уже готовый к своему дню в офисе по переработке нефти, был поглощен котировками. Когда-то, в университете, он мог часами говорить о квантовой физике, а его глаза горели, когда он объяснял ей теорию струн. Теперь его мир сузился до ипотеки, ремонта в машине и этих проклятых новостей.

Миша смотрела на его красивые, сильные руки, державшие планшет, и вдруг поймала себя на воспоминании. Автошкола. Она — уверенная в себе студентка, он — молодой инструктор с обаятельной и нахальной ухмылкой. Он сделал так, чтобы она попала в его группу. А потом был тот день, когда они проходили компьютерные тесты. Он усадил ее прямо напротив себя. *«Почему именно тут?»* — удивилась тогда она.

«Чтобы видеть твое прекрасное лицо, — без тени смущения ответил он, глядя прямо в ее «невероятные глаза». — И чтобы ты не списывала».

От его пристального взгляда и этого комплимента у нее перехватило дыхание, и она выронила телефон. Тот предательски разлетелся на части прямо под их столами. Они, смеясь, ползали вместе, собирая детали, и тогда он взял у нее из рук собранный аппарат и с деловым видом вбил в него свой номер.

«На всякий случай, — сказал он. — Если что-то с телефоном случится... или просто так».

— Сегодня задержусь, — голос Миши прозвучал хрипло, возвращая ее в реальность кухни. — Подготовка к завтрашнему заседанию.

Сергей кивнул, не отрываясь от экрана.

— Ладно. Не слишком поздно.

Его равнодушные обожгло сильнее, чем если бы он начал скандалить. «А какая, в сущности, разница?» — пронеслось в голове у Миши. Та химия, то электричество, что било между ними тогда, давно превратилось в тихое, ровное гудение холодильника. Она допила кофе и отнесла чашку к раковине. Ее взгляд упал на его кружку — с подтеком засохшего кофе по бортику. Когда-то это вызывало у нее умиление, сейчас — лишь раздражение. Она оставила ее в раковине. Пусть сам моет.

Часть 2: Дорога в никуда

Дорога на работу была адом из красных светофоров и одинаковых серых лиц в соседних машинах. В университете, разбирая громкие корпоративные споры по учебникам, она представляла себя в ослепительном офисе международной компании, с видом на небоскребы, в безупречном костюме, подчеркивающим ее фигуру. Она говорила на идеальном английском, а ее оппоненты за столом переговоров уважали ее острый ум. Вместо этого — государственная служба, начальник, который называл ее «девушка» и поручал самую скучную работу, и вечное ожидание повышения, которое все не приходило. Она была хорошим, исполнительным винтиком. Невидимым.

Ее кабинет находился в самом конце коридора, рядом с комнатой для архивов, откуда всегда тянуло затхлостью. Миша включила свет — люминесцентные лампы мертвенным светом выхлостили последние краски утра. На столе ждала ее папка с делом. Толстая, серая, пыльная. Рядом с ней одиноко стоял засохший кактус — подарок коллег на прошлый день рождения. Даже он не выжил в этой атмосфере.

Она села в кресло, откинулась на спинку и закрыла глаза. И представила.

Не пыльный подоконник в ее кабинете, а бесконечную песчаную полосу. Не запах старой бумаги, а соленый, свежий ветер с океана, который треплет ее непослушные кудри. Она босиком, и песок еще хранит дневное тепло. Рядом резвится ее золотистый ретривер, его шерсть отликает медью на закате, он радостно лает на набегающие волны. А вечером, когда небо пылает алым и оранжевым, она сидит перед мольбертом с чашкой горячего чая. В руках — кисть. Она переносит на холст всю эту невероятную красоту: яростный багрянец заката, сиреневую дымку на горизонте, первый серебряный серп луны. В эти моменты мир замирал, а тяжесть с плеч уходила вместе с последним мазком. Рисование было ее способом сбежать, даже не сходя с места. Но сейчас она хотела сбежать по-настоящему.

Внезапно ее личный телефон завибрировал, заставив вздрогнуть. Уведомление от турагентства: «АКЦИЯ! Специальные предложения на туры в Португалию! Атлантическое побережье ждет вас!».

Миша посмотрела на экран. На заставке бирюзовая волна разбивалась о золотистый песок, и на краю кадра был счастливый пес, очень похожий на того ретривера из ее фантазий. Она провела пальцем по картинке, словно пытаясь прикоснуться к той, другой жизни.

Потом глубоко вздохнула, отложила телефон и потянулась к серой папке. Понедельник был в самом разгаре.

Часть 3: Пятиминутка с начальством

Внезапно раздался резкий, требовательный звонок рабочего телефона. Миша вздрогнула, оторвавшись от морских фантазий. На экране горело: «Иван Петрович».

— Анна Михайловна, зайдите! — прозвучал в трубке холодный, отрывистый голос начальника, и линия тут же оборвалась.

Она никак не могла привыкнуть, что к ней обращаются по имени-отчеству. «Анна Михайловна» — звучало так официально, тяжело и чужеродно. Для всех она была просто Миша. Легкой, живой, молодой. А здесь она была «Анна Михайловна», серая мышка в юбке-карандаш.

Сердце неприятно заныло, предчувствуя разговор. Она вздохнула, поднялась, автоматически одернула строгую черную юбку, взяла ежедневник и ручку и вышла в коридор. Из кабинета напротив вышла коллега Лидка, ее вечный «информационный донор».

— О, Анна Михайловна, к начальству? — слащаво протянула она. — Наверное, опять по поводу того долгостроя на Красноармейской? Вечно у вас там проблемы.

Миша лишь молча кивнула, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Кабинет Ивана Петровича находился в противоположном конце, за массивной дубовой дверью с блестящей табличкой. Миша постучала, сжав пальцы.

— Войдите!

Она нажала на ручку и вошла. Воздух здесь был другим — густым, пропитанным запахом дорогого кофе, старого дерева и власти.

Прямо перед ней стоял колоссальный стол из темного, почти черного дерева, заваленный кипами документов. Казалось, он одним своим видом должен был подавлять волю любого вошедшего. Слева, вдоль всей стены, тянулся огромный шкаф с открытыми полками, уставленный юридическими фолиантами в одинаковых переплетах и бесчисленными благодарственными грамотами в золоченых рамах — немые свидетели карьеры Ивана Петровича. Справа от двери располагался длинный стол для совещаний из того же мрачного дерева, окруженный дюжиной строгих стульев. На его торце притаился большой изогнутый монитор, а рядом — камера для видеоконференций, ее безжизненный объектив был направлен в пустоту.

«Точно, — молнией пронеслось в голове у Миши, и внутри все похолодело. — Совещание с министерством. По поводу очередного срыва сроков "СтройИнвестом". Черт, как я могла забыть?!»

Иван Петрович, статный мужчина достаточно молодой для такой должности, не поднимая глаз от бумаг, отмахнутым жестом указал ей на кресло перед своим столом.

— Садитесь, Анна Михайловна, — его голос был ровным, но в нем слышалась сталь. — У нас с вами пятиминутка перед эфиром. Хочу освежить в памяти вашу позицию по иску о неустойке. И, как вы знаете, министр терпеть не может разглаговольствований. Только факты.

Он, наконец, поднял на нее взгляд. Холодный, оценивающий.

Миша сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями. Но как только она начала говорить, с ней произошла привычная метаморфоза. Робкая «Миша» отступила, и вперед вышла юрист Воронова — собранная, острая, с умом, отточенным как лезвие.

— В данной ситуации существуют несколько отработанных вариантов, Иван Петрович, — ее голос прозвучал уверенно и четко. — **Первый:** это еженедельное ведение претензионной работы с привлечением строительного контроля для ускорения работ по завершению объекта и начисление пеней за просрочку исполнения обязательств по контракту. **Второй, более жесткий:** это расторжение контракта в одностороннем порядке с взысканием всех убытков, включая оплаченный аванс.

Произнося это, она чувствовала знакомый азарт. Сложный клубок правовых норм, выстроенная стратегия, предвкушение победы над нерадивым подрядчиком... В этом был свой

драйв. **Но... если бы ей развязали руки...** Если бы не эти вечные «политические игры», где главным было не выиграть дело, а не испортить отношения с кем-то «наверху».

Иван Петрович с неожиданным интересом смотрел на нее, его пальцы перестали барабанить по столу. Он взял блокнот и начал делать пометки, кивая.

Анна закончила и замолчала, дав ему переварить информацию.

Теперь его очередь. Он отложил ручку.

— Сможем ли мы технически заменить подрядчика на данном этапе? Не усугубим ли мы ситуацию?

— Сколько максимально мы сможем взыскать и покрыть убытков? Реальные цифры. Вопросы были точными, деловыми. И это заставляло ее внутренне оживать.

— Расторжение контракта, — парировала Анна, — автоматически запустит необходимость консервации объекта. А это — дополнительные расходы. Если не продолжить строительство в течение полугода, объект начнет деградировать. Что касается поиска нового подрядчика, то только процедура заключения госконтракта займет минимум три месяца.

Иван Петрович хмыкнул, изучая свои заметки.

— То есть, по сути, мы в заложниках у этого бездаря?

— Юридически — нет, — поправила она его, и в уголке ее губ дрогнула чуть заметная улыбка. — Мы в заложниках у процедур и сроков. Но это тоже юридическая категория, с которой можно и нужно работать.

Он посмотрел на нее с новым, более глубоким интересом.

— Хорошо, Анна Михайловна. В ходе совещания я озвучу первую схему, с акцентом на претензионную работу и пеню. Будьте наготове, если министр спросит детали по второму варианту.

— Конечно, Иван Петрович.

Он кивком дал понять, что разговор окончен. Миша вышла из кабинета, ее сердце все еще учащенно билось от адреналина. И в этом знакомом профессиональном подъеме была горькая ирония: она чувствовала себя более живой и настоящей в этой пятиминутке перед совещанием, чем за все утро в своем кабинете. Это осознание было одновременно и стимулирующим, и опустошающим.

Вернувшись за свой стол, она снова взглянула на экран телефона. Уведомление из турагентства все еще горело там, как настойчивый, соблазнительный шепот с другого конца света. Она открыла его. «АКЦИЯ ДЕЙСТВУЕТ ДО КОНЦА НЕДЕЛИ».

Глава 2. Разбитые ожидания

Глава 2. Разбитые ожидания

Весь оставшийся день Анна провела на подъеме. Мысль о Португалии горела в ней, как маленькое, но упорное солнце, пробивающееся сквозь серые тучи рутины. Даже монотонное совещание, на котором Иван Петрович блестяще представил ее наработки, не смогло погасить этот внутренний огонек. Внутри нее просыпалась Миша — ее альтер эго, та самая, с кем они в университете могли за полчаса до закрытия вокзала срываться в ночной поезд в другой город. Миша была для своих, для друзей — той версией Анны, что не боялась спонтанности, смеялась громче всех и верила, что всё возможно. Сейчас Миша шептала: «Лиссабон!», и этот шепот был громче всех разговоров о пенях и неустойках.

Дорога домой, обычно мучительная и наполненная запахом выхлопных газов и чужих раздражений, сегодня казалась иной. Она не обращала внимания на багровеющие стоп-сигналы, включив любимый плейлист с босса-новой. Прозрачные звуки томной гитары обволакивали салон, и она представляла, как они с Сергеем стоят на краю скалы. «А что, если ему просто показать Мишу? — думала она. — Не Анну, которая готовит ужины и считает копейки до зарплаты, а ту самую? Ведь он когда-то влюбился именно в нее. Может, эта поездка — наш шанс? Шанс все наладить, вспомнить те чувства, что бушевали когда-то, когда мы целовались в тесном салоне его старой «девятки» под дождем».

С восторгом, как в шестнадцать лет, она распахнула дверь квартиры, сбросила туфли и, не снимая пальто, побежала в гостиную. Внутри нее ликовала Миша.

— Сереж, привет! У меня есть одна сумасшедшая идея! — ее голос звенел, нарушая вечернюю тишину прихожей.

Сергей полулежал на диване, уткнувшись в телефон, где мелькали яркие, бессмысленные рилсы. Он медленно, будто через силу, перевел на нее взгляд, затуманенный синим светом экрана.

— И какая? Премию наконец дали? — его голос был ровным, безразличным.

— Еще лучше! — выпалила она, и это сказала Миша, подталкивая Анну сзади. — Представь, Португалия! Лиссабон! Атлантический океан! У них там сейчас просто бешеная акция, мы можем улететь буквально через пару недель! Всего на десять дней, но это же именно то, что нам нужно! Смена обстановки, море, мы...

Она говорила захлебываясь, перескакивая с мысли на мысль, глядя на него сияющими глазами, ища в его взгляде ответную искру, ожидание, хоть каплю азарта. Но увидела лишь нарастающее раздражение, которое медленно сползло по его красивому лицу, как трещина по стеклу. Миша внутри нее замерла, насторожившись.

— Ты с ума сошла? — он швырнул телефон на диван и сел, его поза выражала глухое неприятие. — Какая, прости, Португалия? На какие деньги? Ипотеку платить, машину чинить, на бензин вечно не хватает... Ты в своем уме вообще?

— Но, Сережа, я же посчитала! — попыталась взять слово Анна, прагматичная и разумная, но Миша тут же перебила ее изнутри: «Скажи ему! Он должен понять!». — Это не так дорого, как кажется. Мы можем отложить на что-то, или я возьму подработку... — она сделала шаг к нему, инстинктивно протянув руку, но он лишь отмахнулся, будто от назойливой мухи.

— Анна, очнись, ты не в кино! — его голос стал резким, стальным, точно лезвие. Он смотрел на Анну, на ее строгий пиджак, на растрепанные за день волосы. Он не видел Мишу. Он не видел ее уже много лет. — Посмотри вокруг! Ты дома даже ужин приготовить не успеваешь, я тут уже второй час голодный сижу, как дурак, а ты мне про какую-то Португалию рассказываешь. Хватит витать в облаках! Взрослая женщина, а ведешь себя как инфантильная девочка из сказки.

Его слова обрушились на нее, как ушат ледяной воды. Она физически почувствовала, как Миша внутри нее сжалась в комок от боли и обиды, а потом... исчезла. Восторг, надежда, радость — все разбилось в мелкие осколки о его прагматичное, безразличное лицо. Воздух словно выбили из легких.

Она не нашлась, что ответить. Просто развернулась и молча, на автомате, пошла в спальню, снимая по пути пальто. Ее руки мелко дрожали. Слышала, как он крикнул вслед, и в его голосе не было ничего, кроме собственного неудобства:

— И что на ужин-то? Я есть хочу!

Анна не ответила. В спальне, в полумраке, она скинула строгий костюм, символ ее дневной несвободы, и надела старый, растянутый домашний халат, серый, как ее будни. Ей нужно было срочно смыть с себя этот день, этот разговор, это ядовитое разочарование, прилипшее к коже. Она наполнила ванну почти кипятком, словно пыталась расплавить ледяную глыбу, в которую превратилось ее сердце. Захватила с собой бутылку прохладного белого вина и высокий бокал.

Первый бокал она выпила почти залпом, стоя у раковины и глядя на свое отражение в запотевшем зеркале — уставшие глаза, сжатые губы. «Где ты, Миша?» — бессмысленно спросила она у своего отражения. Ответа не было. Второй бокал — уже погрузившись в обжигающе горячую воду. Пар густыми клубами запотевал стены, скрывая унылую реальность ванной комнаты, а она лежала с закрытыми глазами, отчаянно пытаясь вернуть тот утренний образ. Золотистый песок, рыжий ретривер, неумолчный шум прибора... Она протянула руку и провела мокрыми пальцами по холодной кафельной стене, представляя, что это теплый, шершавый песок под палящим солнцем. Ей почти, почти казалось, что она слышит пронзительные крики чаек.

В этот момент на ее телефон, лежавший на краю ванны, с тихим жужжанием пришло сообщение. Она лениво, нехотя протянула руку и посмотрела.

«ТурАгентство "Мир без границ": Анна, видим вашу заинтересованность в туре в Португалию. Цены действительно лучшие! Бронируем для вас путевки? Акция действует до конца дня».

Сообщение висело на экране, безразличное и настойчивое, как судьба. А снизу — две простые кнопки, делившие мир на «до» и «после»: «ДА» и «НЕТ».

Она посмотрела на плотно закрытую дверь ванной, за которой была ее жизнь: голодный, вечно недовольный муж, серая работа, увядший кактус на подоконнике, разбитая кружка в раковине. Жизнь Анны. Потом снова на экран. На заставку, где бирюзовая волна разбивалась о черные скалы. На жизнь Миши.

И вдруг ее охватила яростная, отчаянная решимость. Это была не надежда, не радость, а вызов. Всем и всему. Этой квартире, этому быту, его равнодушию. Это был крик Миши, которая отказывалась умирать.

Пальцы, скользкие от воды, дрожали, когда она навела курсор на кнопку «ДА». Потом еще несколько быстрых, точных касаний — заполнение данных, подтверждение, смс с кодом из банка. Экран завис на секунду, заставив сердце замереть в груди, а затем загорелось новое уведомление, яркое, как вспышка:

«Поздравляем! Ваша поездка в Лиссабон забронирована с 15 по 25 октября. Документы и инструкции отправлены на вашу почту. Хорошего путешествия!»

Она отшвырнула телефон на табуретку, как будто он был раскаленным углем. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Она допила вино до дна и снова погрузилась в воду с головой, пытаясь заглушить нарастающую панику и дикое, пугающее, пьянящее чувство свободы.

Она это сделала. Не Анна. Миша.

Глава 3. Утро после

Глава 3. Утро после

Сознание вернулось к Анне резко и безжалостно, будто кто-то щелкнул выключателем в крошечной тьме. Она не просто проснулась — она **осознала**. Это было похоже на падение с большой высоты, когда земля внезапно возникает из ниоткуда, жестокая и неумолимая.

Тишина спальни была оглушительной, звенящей. Её нарушал лишь ровный, чуть храпящий выдох Сергея, повернувшегося к ней спиной. В этой предрассветной мгле, за три секунды до того, как в мозгу сложилась первая связная мысль, её накрыла волна леденящего, животного ужаса. Не сон. **Это был не сон.**

Она резко открыла глаза, уставившись в потолок, по которому уже ползли бледные, уродливые тени от первых лучей солнца. В груди колотилось сердце, отдаваясь глухим, неровным стуком в висках. Рука сама потянулась к холодному экрану телефона на тумбочке. Яркий свет обжег глаза. 5:45. До ненавистного будильника, этого «сигнала тревоги» её жизни, оставалось пятнадцать минут. И чуть ниже, как приговор — электронное письмо от турфирмы, которое она в пьяном угаре даже не открыла.

Дрожащим пальцем она тапнула по уведомлению.

«Подтверждение бронирования № PL-4892. Вылет: 15 октября, 07:50, рейс TP 782, а/п Шереметьево. Прибытие в Лиссабон: 10:25. Обратный вылет: 25 октября.»

Она впиалась взглядом в даты, как будто могла силой мысли, силой воли Анны Михайловны, стереть эти цифры. *«Через две недели. Я улетаю через две недели. Одна»,* — прошептала она, и голос прозвучал хрипло и чуждо.

Желудок сжался в тугую, болезненный комок. Больше лежать было невозможно. Она поднялась с кровати так резко, что у нее закружилась голова, и ей пришлось схватиться за шкаф. Ноги были ватными, предательски подкашивались.

«Как ему сказать? Что я натворила?» — этот вопрос заикнулся в голове, заглушая все остальные мысли, как заезженная пластинка.

Она краем глаза увидела свою сумку, брошенную вчера на стул, из которой торчала серая, пыльная папка с делом о «СтройИнвесте». И перед её внутренним взором, с мучительной четкостью, возникла вереница одинаковых дней: она продолжает ходить на эту работу. Сидеть в своем кабинете с засохшим кактусом, где пахнет затхлостью и тоской. Слушать холодные, отрывистые приказы Ивана Петровича. А вечером возвращаться в эту квартиру, где её ждут молчаливые упреки и его кружка с подтеком засохшего кофе в раковине. И все это время она будет знать, что у нее в телефоне лежит билет в другую жизнь. Билет, купленный **Мишей**. Билет в один конец до поры до времени.

Она пошла на кухню, на цыпочках, как вор в собственном доме, чтобы не разбудить Сергея. Включила свет — люминесцентный, безжалостный, как в ее офисе. Замерла у окна, глядя на просыпающийся город. Обычный вторник. Люди спешат на работу, строят планы, живут своей привычной, предсказуемой жизнью. Жизнью **Анны Михайловны**. А её жизнь только что раскололась на «до» и «после». На «Анну» и «Мишу».

Она налила себе стакан воды, но пить не стала. Просто держала холодный, мокрый стакан в ладонях, пытаясь унять дрожь, пришедшую изнутри.

Варианты прокручивались в голове, как в дурном, абсурдном кино.

Вариант 1: Ничего не говорить. Сделать вид, что ничего не было. Просто не поехать.(Слишком поздно, деньги не вернут. Это означало бы убить **Мишу**окончательно. Признать свою смиренную участь «винтика»).

Вариант 2: Сказать сегодня, с утра.(«*Серез, помнишь, я вчера Португалию предлагала? Так я уже купила. На одного.*»). Это гарантированный скандал, хлопанье дверьми, исте-

рика. Он назовет её сумасшедшей. Инфантильной дурой. И, возможно, будет прав. Права Анна.)

Вариант 3: Сказать за день до вылета. (Тот же скандал, но отсроченный. Целых две недели жить в ожидании взрыва, в атмосфере лжи. Атмосфере, где Анна будет подавлять Мишу каждую секунду.)

Вариант 4: Не говорить вообще. Собрать вещи и уехать на такси в аэропорт, отправив ему смс из зала ожидания. (Безумие. Социально неприемлемое, эгоистичное безумие. Но... заманчивое безумие Миши. Чистый, ничем не разбавленный побег.)

Она поставила стакан в раковину — рядом с чистой чашкой, которую он так и не убрал с вечера, — и обхватила себя руками. Страх был живым и плотным, как вата во рту. Но странное дело — сквозь этот страх, как первый луч сквозь грозовую тучу, пробивалось что-то еще. Острый, колючий, запретный адреналин. Чувство, что она, наконец, дернула за рычаг аварийного тормоза в несущемся поезде её жизни.

Она повернулась и посмотрела в сторону спальни, откуда доносился ровный храп. *«Он ничего не знает. Его мир, мир котировок, ипотеки и безупречных белых рубашек, все еще цел и предсказуем. А мой... мой мир только что перевернулся с ног на голову по воле той девушки, что когда-то ползала с ним по полу автошколы, собирая разбитый телефон».*

Будильник на телефоне заиграл свою надоевшую мелодию. Понедельник кончился. Начался день, когда она стала человеком с тайной. День, когда Анна и Миша начали свое самое опасное и молчаливое противостояние.

Утро прошло в гнетущей, давящей обыденности. Анна двигалась на автопилоте, как хорошо отлаженный механизм: приняла душ, не смывающий усталость; надела свежепоглаженную блузку — часть униформы; сварила кофе, запах которого когда-то будил в ней радость. Она молча поставила чашку перед Сергеем, который, как обычно, уткнулся в экран своего планшета, поглощенный котировками.

Мысль о разговоре, о скандале, который неминуемо вспыхнет, вызывала у нее физическую тошноту. *«Нет, — твердо сказала себе Анна. — Утро для этого точно не подходящее время. Омрачить день обоим, а потом еще две недели жить в атмосфере ледяной войны? Нет уж. Это не стратегично».* В её голове, отточенной на юридических баталиях, родился холодный, четкий план.

Она приняла решение: молчать. До самого последнего момента. Чтобы у Анныне было пути для отступления. Чтобы единственным вариантом для Миши был самолет, застывший на взлетной полосе. А после — что будет, то будет. Эта мысль одновременно пугала до спазм в животе и придавала странное, почти истерическое спокойствие.

По дороге на работу, застряв в очередной пробке, она смотрела на серые коробки домов, на такие же серые лица в соседних машинах, и понимала, что не выдержит этой тишины внутри. Ей нужно было выговориться, нужен был хоть один человек, который скажет, что она не сошла с ума. Кто увидит в этом не бегство Анны, а победу Миши. Дрожащими пальцами, от которых пахло дорожной пылью и страхом, она нашла в списке контактов номер Лены — своей самой старой, любимой и самой безумной подруги. Той, что знала и любила именно Мишу.

Лена ответила на втором гудке, слышно было, что она за рулем.

— Привет, красотка! Что так рано? Уже тошнит от вторника? — её голос был свежим и бодрым, как глоток апельсинового сока.

— Лен... — голос Анны предательски дрогнул, сдавленно прошипел. Слезы подступили к глазам, горячие и не вовремя. — Ты не поверишь, что я вчера натворила.

— Ой, мне нравится начало! — в голосе Лены послышался немедленный, живой интерес. — Покупала полсайта в интернет-магазине? Завела любовника? Говори быстрее, я на светофоре!

— Я... я купила тур. В Португалию. — Анна выпалила и замерла, сжав руль так, что кости побелели.

На том конце провода на секунду воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом мотора.

— Вау! — наконец выдавила Лена. — Это же круто! Наконец-то! Вы с Сергеем...

— Нет, — резко перебила ее Анна, чувствуя, как по щекам сами собой катятся слезы. — Не мы. Я. Одна.

На этот раз тишина затянулась, стала плотной, тяжелой.

— Ого, — наконец сказала Лена, и в её голосе не было осуждения, лишь легкий шок и, что самое важное, уважение. — Вот это поворот, Миш... Анна. И как его светлость отреагировал на такую новость?

— Он не знает, — прошептала Анна, вытирая лицо тыльной стороной ладони, как ребенок. — Я сказала ему вчера просто идею, а он... он назвал меня инфантильной дурой, которая и ужин приготовить не может. А я потом, в ванной, с бокалом вина... **Миша**... просто нажала кнопку.

— Ань, слушай меня, — голос Лены стал мягким, но очень твердым, как сталь, обернутая в бархат. — Ты молодец. Слышишь? Абсолютная молодец. Ты не инфантильная, ты отчаянная! И твоя задница в этой ситуации права на все сто. Если он не хочет видеть, как его жена сходит с ума от тоски, как эта... эта **Анна Михайловна** душит в тебе всё живое, это его проблемы.

— Но что же мне теперь делать? — всхлинула Анна, по-детски беспомощная.

— Лети! — без тени сомнения, почти повелительно ответила Лена. — Лети, гуляй по этому океану, пей вино, рисуй свои картины. Это твоя жизнь, черт возьми! А если... — она сделала драматическую паузу, — если тебе станет страшно одной в последний момент — сви-сти. Я беру отпуск за свой счет, сажусь в соседнее кресло и лечу с тобой. Мы с тобой вдвоем, как в старые времена, эту Португалию до оснований, а потом... разберемся со всем этим. Договорились?

Анна расхохоталась сквозь слезы. Этот безумный, верный, прекрасный человек, любимый до боли! Лена была единственным мостом между её двумя мирами, единственной, кто видел их обоих и принимал.

— Договорились. Спасибо тебе, Лен... Ты не представляешь...

— Знаю, представляю. А теперь вытри сопли и веди машину аккуратнее. И купи мне там магнитик! Летающий горшок какой-нибудь!

Они попрощались, и Анна положила телефон на пассажирское сиденье. Пробка рассосалась, и машина поехала быстрее. Груз все еще давил на плечи, но теперь он стал хоть чуточку легче. Она была не одна. У нее был запасной парашют в лице подруги, готовой прыгнуть вместе с ней в неизвестность. И это придавало **Анне** сил дожить эти две недели, чтобы дать **Мише** сделать самый важный шаг.

Слова Лены стали для неё кислородной маской в разреженном воздухе предстоящих дней. Дни, вопреки ожиданиям, не тянулись мучительно долго. Они летели, как придорожные столбы за окном машины, несущейся на высокой скорости. Работа, совещания, папки с делами — все это было теперь не тюрьмой, а фоном, декорациями, которые скоро сменятся. Даже Иван Петрович со своими холодными взглядами и стальным голосом не мог пробить броню её тайны. Внутри нее теперь жила не робкая «Анна Михайловна», а двойное существо: внешне — юрист Воронова, внутренне — заговорщица **Миша**, ведущая отсчет.

Самым волнительным моментом той недели стал визит в отдел кадров. Анна распечатала заявление на отпуск, и её рука дрогнула, когда она выводила шариковой ручкой даты: с 15 по 25 октября. «*Вот оно, материальное доказательство*», — подумала она. Начальник отдела

кадров, женщина в годах с уставшим лицом, бросила беглый взгляд на бумагу и безразлично протянула: «Хорошо, Анна Михайловна, отдыхайте». Эта будничность, это равнодушие мира к её личной драме придали ей странной уверенности. Для мира она была просто сотрудником, уходящим в очередной отпуск. Никто не знал, что для неё этот отпуск — побег.

Мысль о разговоре с мужем висела над ней дамокловым мечом. Она перебирала варианты, репетировала фразы, но каждый вечер, глядя на его уставшее, погруженное в экран лицо, откладывала признание на завтра. *«Он снова будет говорить об ипотеке, о ремонте, о деньгах. Он снова не увидит Мишу. Он увидит только проблему, скандал, неудобство»*. Теперь её стратегия была простой и жестокой, выверенной, как юридическая уловка: сказать в самый последний момент, возможно, даже вечером накануне вылета. Чтобы у него не было времени на уговоры, на скандал, на попытку её остановить. Чтобы у **Анны** было шанса передумать. Чтобы оставался только один путь — в аэропорт.

Потихоньку, в тайне, как настоящая заговорщица, она начала собирать чемодан. Она достала с антресолей свой старый, небольшой чемодан на колесиках, который они когда-то брали в медовый месяц в Геленджик. Тогда он пах морем и надеждами на общее будущее. Теперь ему предстояло увидеть Лиссабон. В одиночку.

Этот ритуал стал для нее самым сокровенным и радостным моментом за долгие годы. Прижав палец к губам, чтобы не засмеяться от волнения и неподдельного, детского восторга, она аккуратно складывала на дно легкие летние платья, которые пахли нафталином и забытыми мечтами. Шорты. Несколько простых футболок. Новый купальник, который она тайком купила в обеденный перерыв. Каждый предмет она выбирала с трепетом, задавая себе вопрос, который могла бы задать только **Миша**: *«В этом я буду гулять по набережной? А в этом — сидеть в уличном кафе, попивая винью верде?»*

Потом настал черед самого важного — книг. Она перебирала полку в зале, представляя, где будет читать каждую. Тонкий сборник стихов Фернандо Пессоа — его она возьмет с собой на пляж, чтобы читать под гипнотический шум волн. Затертый томик «На маяк» Вирджинии Вульф — для долгих, вдумчивых вечеров с бокалом вина на балконе отеля. И непременно новый, с чистыми страницами блокнот и набор карандашей — для зарисовок. Для той красоты, которой ей негде было блистать здесь, в сером мире **Анны**.

Закрывая чемодан с тихим щелчком, она прислушивалась к своим ощущениям. И снова, как и тогда в ванной, ей почудился соленый вкус на губах и далекий, настойчивый гул прибоев, заглушающий шум города за окном. Она уже почти физически чувствовала теплый ветер, который будет трепать её распущенные, вольные волосы, и горячий песок под босыми ногами. Это был не просто отпуск. Это было дыхание другой жизни, жизни **Миши**, которая ждала её всего в нескольких днях полета.

И каждый вечер, глядя, как Сергей смотрит телевизор, уткнувшись в свой телефон, она тихо улыбалась своему секрету. Её маленький, скромный чемодан, засунутый в дальний угол гардеробной, под грузом его старых курток и её зимних вещей, был её тайным пропуском в свободу. И она знала — обратного пути уже нет. Путь был только один — вперед, навстречу той невидимой жизни, что так отчаянно стучалась в её сердце.

Глава 4. Точка невозврата

Глава 4. Точка невозврата

Настал вечер накануне вылета. Воздух в квартире был густым и тяжелым, будто перед грозой, насыщенным молчаливыми упреками и запахом вчерашнего ужина. Анна пришла с работы, ее сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в ушах. Она видела, как Сергей сидит на диване, уткнувшись в телефон, и в ее душе зазвучали два голоса. Анна, прагматичная и запуганная, шептала: «Молчи. Еще один вечер. Скажешь завтра утром, смской из аэропорта». Но Миша, та самая, что купила билет в пьяном угаре отчаяния, настаивала: «Хватит. Ты должна посмотреть ему в глаза. Ты должна сделать это как взрослый, сильный человек. Не прячься».

Она медленно, будто идя на эшафот, подошла и села в кресло напротив него, сжимая в коленях дрожащие, ледяные руки.

- Серез, - ее голос прозвучал тихо и хрипло, чужим голосом. - Надо поговорить. Серьезно.

Он медленно, с неохотой, оторвался от экрана, взгляд его был уставшим и раздраженным, каким он бывал последние годы.

- Опять про свою Португалию? Думал, ты уже эту блажь забыла. Надоело слушать.

- Нет, не забыла, - она сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с дрожью, чувствуя, как Миша внутри нее выпрямляется во весь рост. - Я... я завтра улетаю.

Наступила мертвая, оглушительная тишина, которую не нарушал даже гул города за окном. Сергей медленно, с преувеличенной театральностью, опустил телефон на диван, его лицо начало меняться, наливаясь кровью, как спелый плод.

- Ты... что? --- он произнес слова отрывисто, с усилием, будто выталкивая их сквозь стиснутые зубы.

- Я купила тур. Одна. Вылет завтра утром. Я беру отпуск и улетаю на десять дней, - сказала она, и это сказала Миша, глядя на него своими «невероятными» глазами, в которых теперь горел не страх, а вызов.

Он резко встал, возвышаясь над ней, и его тень накрыла ее с головой. В его глазах загорелся знакомый, ледяной огонь, но на этот раз в нем было не просто раздражение, а что-то первобытное, животное и по-настоящему опасное. Его красивое, статное лицо, которое она когда-то рассматривала в утренних лучах, исказила гримаса ярости.

- Ты совсем охренела?! - его крик, грубый и раскатистый, прорвал тишину квартиры, заставив ее вздрогнуть. - Без моего согласия? На мои деньги?!

- Это мои деньги! Моя премия! - попыталась возвать слово Анна, прагматичная и оправдывающаяся, но ее голос потонул в его ярости. Миша же молчала, наблюдая.

- Твой?! А ипотека чья? А коммуналка? А машина? Это все общее, ты ничего сама из себя не представляешь! - он шагнул к ней, его лицо было так близко, что она чувствовала его горячее, злое дыхание. - И ты серьезно думала, что я просто позволю тебе одной махнуть куда-то, как шлюхе какой-то?!

- Перестань! Я просто хочу отдохнуть! Увидеть океан! - крикнула она, и в ее голосе снова зазвучали нотки Миши, той самой, что мечтала о песчаных дюнах и шуме прибоя.

- Отдохнуть? От чего? От меня? От нашей жизни? - он был уже в сантиметрах от нее, его палец тыкал в воздух перед ее лицом. - Значит, я тебе не нужен? Так и скажи! Хочешь развода? Получишь! Только чтобы ни копейки от меня не получила, слышишь?! Ни-че-го! Будешь по помойкам рыться!

Она попыталась встать, отодвинуться от этого урагана ненависти, но он схватил ее за плечо, его сильные, красивые пальцы, которые она когда-то вспоминала с нежностью, впились в кожу так, что ей стало больно, унижительно и по-настоящему страшно.

- Ты ненормальная! Совсем поехала крышей! Тебе в психушку надо, а не в Португалию! Ты же даже ужин нормально приготовить не можешь, а туда же — путешественница!

И тогда случилось то, чего она не могла представить даже в самом страшном сне. Он не выдержал и, все еще держа ее за плечо, с силой, от которой хрустнули кости, потрянул. Она потеряла равновесие и ударилась боком о острый угол кофейного столика. В ушах зазвенело, а в глазах потемнело от пронзительной боли и абсолютного шока. Это была не просто боль от ушиба. Это был звук ломающейся скорлупы, внутри которой она пряталась все эти годы.

Он замер, увидев ее побелевшее, искаженное гримасой боли лицо и слезы, которые, наконец, хлынули из ее глаз, горячие и обжигающие. Он отступил на шаг, но в его взгляде не было раскаяния, лишь все та же ярость и, возможно, удовлетворение от того, что он «поставил ее на место».

И это было последней каплей. Вся боль, все унижения, вся тоска многих лет, все молчаливые ужины, все его взгляды, устремленные в экран, все ее одинокие фантазии о золотистом ретривере и закате — всё это вырвалось наружу одним тихим, но абсолютно решительным, ледяным всхлипом. Анна внутри нее умерла в тот миг, когда его пальцы впились в ее плечо. Осталась только Миша — раненая, испуганная, но свободная.

Она ничего не сказала. Просто поднялась, потеряла ушибленный бок, почувствовав под пальцами будущий синяк — свою новую, горькую отметину свободы. И, не глядя на него, пошла в спальню. Ее шаги были твердыми, хотя ноги все еще дрожали.

Она не собиралась, не думала. Руки Миши сами делали свое дело. Она достала из гардеробной свой маленький, скромный чемодан, тот самый, что был ее тайным пропуском в свободу. Взяла сумочку с загранпаспортом и билетами, лежавшую наготове, как оружие. Она слышала, как он ходит по гостиной и что-то кричит ей вдогонку, его голос доносился приглушенно, сквозь гул в ушах: «Уходишь? И хорошо! И чтобы ноги твоей здесь больше не было! Слышишь, дура?!» Но слова уже не долетали, превращаясь в белый шум, в далекий отголосок той жизни, которую она покидала.

Через пять минут она, вся в слезах, но с высоко поднятой головой и чемоданом в руке, вышла из спальни и, не останавливаясь, не оглядываясь на руины своего брака, направилась к выходу.

- Куда ты?! - заорал он, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность, почти паника. --- Идешь к своему любовнику, шлюха?! Я так и знал!

Она не обернулась. Не сказала ни слова. Хлопок тяжелой входной двери, глухой и окончателный, отрезал ее от того мира, от той жизни, навсегда. Он прозвучал громче, чем любой будильник в ее жизни.

Она села в свою машину, ту самую, в которой когда-то мечтала о их совместной поездке к океану, завела ее и тронулась с места, не видя дороги из-за слез. Она просто ехала, не зная куда, по темным, безразличным улицам спящего города. В ушах стоял оглушительный звон, а по телу расплзалась боль — и от ушиба, и от того, что только что произошло, и от осознания, что назад пути нет.

Она схватила телефон и вслепую, дрожащими пальцами, набрала Лену.

Та ответила спустя много гудков, сонным, заплетающимся голосом.

- Ань? Что случилось? Который час?

Услышав голос подруги, голос единственного человека, кто знал и Анну, и Мишу, Анна снова разрыдалась, едва не теряя контроль над рулем.

- Лен... он... он меня... ударил... - она с трудом выговаривала слова сквозь рыдания, чувствуя во рту вкус соли и крови. - Я ушла... я в машине... я не знаю, куда ехать... я...

Сонливость как рукой сняло с Лены. В трубке послышался резкий звук, будто она села на кровати.

- Боже мой! Ты цела? Ты за рулем? Слушай меня внимательно! Немедленно прекрати реветь и езжай ко мне. Сию секунду. Ты слышишь меня? Ты знаешь адрес. Я сейчас встаю, поставлю чайник и открою тебе дверь. Езжай аккуратно. Все будет хорошо. Все. Миша, держись!

Этот твердый, властный тон и имя, которое она сама себе вернула, вернули Анну к реальности. Она кивнула, словно подруга могла ее видеть.

- Хорошо... Я еду.

Она положила телефон и, вытерла слезы рукавом пиджака - части своей офисной униформы, — свернула на знакомую дорогу. Впереди был свет фонарей и открытая дверь в безопасное убежище. А позади — рухнувшая жизнь и билет на утренний самолет, который теперь казался не побегом, а единственно возможным спасением.

Анна заехала по пути в круглосуточный магазин. Стеклопакеты двери шипели, впуская ее в ярко освещенную пустоту. Она на автомате взяла с полки две бутылки прохладного белого «Совиньон Блан» — их с Леной всегдашнее «лекарство от всех бед».

Поднявшись к ее квартире, она с трудом нашла в сумочке звонок. Дверь открылась почти мгновенно, и на пороге возникла Лена — в мятом халате, с растрепанными волосами и полными ужаса глазами.

— Ань, родная, проходи...

И все. Этой заботливой фразы хватило, чтобы все плотины в душе Анны прорвало. Она переступила порог, чемодан с грохотом упал на пол, и она, рыдая, почти повисла на подруге.

— Я сама во всем виновата! — всхлипывала она, пока Лена вела ее в гостиную и усаживала на диван. — Надо было говорить раньше! Надо было не провоцировать! Может, я и правда ненормальная? Кто так поступает? Бросает все и уезжает?

— Тихо, тихо, дурочка, — Лена обняла ее крепко, качая, как ребенка. — Ты ни в чем не виновата. Слышишь? Никто и никогда не имеет права поднимать на тебя руку. Никто! Ты приняла смелое решение, а он повел себя как последний мудака. Это его вина. Только его.

— Но наша жизнь... она же была не такой уж и плохой... — всхлинула Анна, утираясь о рукав Ленинского халата.

— Она была мертвой, Ань. И ты пыталась ее оживить, а он предпочел, чтобы все так и сгнило. Теперь слушай сюда, — Лена взяла ее за подбородок и заглянула в глаза. — Сегодня мы будем пить это вино, ругать всех мужиков на свете, а завтра ты станешь самой свободной женщиной на свете. Договорились?

Анна кивнула, и новые слезы брызнули из ее глаз, но теперь в них была не только боль, но и облегчение.

Они пили до утра. Говорили, вспоминали, смеялись сквозь слезы. А когда прозвенел будильник, резкий и беспощадный, они проснулись, разметавшись на том же диване, с тяжелыми головами и ощущением, что страшная ночь была просто дурным сном.

— Господи, мы живые? — простонала Лена, потирая виски.

Анна села, мир медленно возвращался в фокус. И тут ее взгляд упал на второй чемодан, стоявший у входной двери рядом с ее собственным. Аккуратный, ярко-желтый, готовый к путешествию.

— Лен... а это чей чемодан? — Анна поморгала, пытаясь сообразить.

Лена потянулась, как кошка, и счастливо ухмыльнулась.

— Мой.

— Твой?.. Ты куда-то собралась? В командировку?

— В Португалию, дура! — рассмеялась Лена, вставая и потягиваясь. — Если память не полностью отшибло, то где-то в три часа ночи, после второй бутылки, мы пришли к гениаль-

ному выводу, что отпуск в одиночестве — это скучно. Я позвонила своему шефу, разбудила бедолагу и, прикинувшись умирающей от неизвестного вируса, выпросила отпуск. Потом мы, кажется, вместе покупали мне билет на тот же рейс. Ну, я покупала, а ты меня подбадривала. Неужели не помнишь?

Анна смотрела на нее с открытым ртом, а потом по ее лицу расплылась медленная, счастливая улыбка. Все пазлы встали на место.

— Ты... ты сумасшедшая! — выдохнула она.

— Зато не одна, — парировала Лена. — Теперь давай, в душ, собираться! Наш самолет ждать не будет!

Новая сцена с утренней спешкой:

Час спустя они стояли в прихожей, свежие, собранные, с билетами в руках и чемоданами у ног. Две подруги, две спасительницы, два сообщника. Анна обняла Лену, прижалась к ее плечу.

— Спасибо тебе. За все.

— Да ладно тебе, — Лена потрепала ее по волосам. — Кто же еще составит тебе компанию в поисках того самого, летающего горшка?

Они взяли чемоданы, вышли из квартиры и спустились вниз, где у подъезда их уже ждало такси, обещание нового начала. Дверца захлопнулась, и машина тронулась, увозя их прочь от вчерашнего дня — навстречу океану.

Утро, начавшееся с похмелья и слёз, превратилось в сумасшедшие гонки. Выяснилось, что будильник они всё-таки проспали.

— Такси уже десять минут ждет внизу! — завизжала Лена, влетая в комнату с зубной щёткой во рту и натягивая джинсы. — Ань, быстрее, ты там не невесту прихорашивай!

— Я не могу найти паспорт! — почти плакала Анна, сметая содержимое сумки на диван. — Кажется, я его забыла!

— Не может быть! Подумай, куда ты его в пьяном виде могла засунуть!

Паспорт нашёлся. В холодильнике, рядом с недопитой бутылкой вина. Видимо, в рамках ночных сборов «самых необходимых вещей».

Выскочив из подъезда, они втолкнули чемоданы в багажник и рухнули на заднее сиденье.

— Аэропорт Шереметьево, терминал D, пожалуйста, и мы очень опаздываем! — выпалила Лена водителю.

Тот, видя их перекошенные от паники лица, лишь кивнул и нажал на газ. Дорога превратилась в мелькание огней и сердцебиение, отдававшееся в висках. Анна сжала в руке паспорт и билет, безостановочно повторяя про себя: «Только бы успеть, только бы успеть».

В аэропорту начался настоящий ад. Они влетели в терминал, как ураган.

— Стой! Регистрация на наш рейс уже закрылась! — просипела Лена, тыча пальцем в табло.

— Бежим! — крикнула Анна, хватая её за рукав.

И они побежали. Две женщины, летящие по скользкому полу, с грохотом таща за собой чемоданы на колёсиках, сбиваясь с ног и на ходу пытаясь надеть слетевшие с плеч сумки.

— Простите! Пропустите, пожалуйста! У нас самолёт! — голос Лены резал воздух, как сирена.

Люди расступались, глядя на них с любопытством и сочувствием. Они подлетели к стойке, где сотрудница уже собиралась уходить.

— Мы... рейс... TP 782... Лиссабон... — Анна дышала так, будто пробежала марафон.

Женщина за стойкой подняла на них строгий взгляд.

— Регистрация закрыта пять минут назад.

— Мы умоляем! — вступила Лена, складывая руки в молитвенном жесте. — Это судьбоносный рейс! Это побег от тирании и уныния! Это...

Сотрудница посмотрела на их заплаканные, но полные решимости лица, вздохнула и снова включила терминал.

—Паспорта. И в следующий раз планируйте лучше. Бегом на паспортный контроль и на выход D25, объявляют последний вызов.

Они схватили посадочные талоны и помчались дальше, уже не разбирая дороги. Паспортный контроль, досмотр — всё слилось в одно сплошное унижительное и стремительное мельтешение.

— Выход D25! Вот он! — закричала Анна, увидев заветные цифры.

У трапа их ждал всё тот же невозмутимый бортпроводник. Он молча проверил талоны и кивком указал им внутрь.

Дверь самолёта захлопнулась за их спинами с глухим, окончательным щелчком. Они стояли в проходе, опираясь о спинки кресел, задыхаясь и не в силах вымолвить ни слова. Салон был полон, и на них смотрели десятки глаз — кто с осуждением, кто с улыбкой.

— Всё, — выдохнула Лена, обливаясь потом. — Мы сделали это. Теперь я, кажется, умру.

— Не смей, — просипела Анна, и вдруг её скулы свела судорога — она залилась смехом. Смехом, в котором была и истерика, и облегчение, и чистейшая радость. Лена подхватила её смех, и они, две сумасшедшие, стоя посреди самолёта, хохотали до слёз, пока бортпроводник не попросил их всё же занять свои места.

Они рухнули в кресла у иллюминатора, отдышались, пристегнули ремни. Самолёт начал медленное, неумолимое движение к взлётной полосе.

— Ничего, что я с тобой? — тихо спросила Лена, уже успокоившись.

Анна повернулась к ней, её голубые глаза, наконец, были чистыми и ясными.

— Это лучшее, что кто-либо для меня делал. Спасибо.

Раздался рёв двигателей, и самолёт рванул вперёд, с огромной силой прижимая их к креслам. Анна вжалась в спинку, глядя в иллюминатор. Мимо проносились огни взлётки, скорость нарастала, и вот земля ушла из-под колёс. Внизу остались серые крыши, снежные поля, её прошлая жизнь.

Самолёт набрал высоту, выровнялся. В иллюминаторе было только бесконечное синее небо.

— Улетели, — прошептала Анна, закрывая глаза.

— Улетели, — подтвердила Лена, сжимая её руку. — Теперь начинается настоящая жизнь.

Глава 5. Первый вздох свободы

Глава 5. Первый вздох свободы

— Смотри! Смотри! — Лена, как ребенок, тыкала пальцем в иллюминатор, ее лицо сияло.

Анна прильнула к стеклу. Внизу, под крылом самолета, лежала не просто земля, а сама сказка. Изумрудные холмы, усеянные рыжими черепичными крышами, как будто разбросанные небрежной рукой гиганта. Изумрудная лента реки, впадающая в бескрайнюю, сияющую на солнце синеву Атлантики. Облака были не серыми свинцовыми тучами, как дома, а воздушными, кремовыми шапками, пропускающими свет.

— Красиво, да? — прошептала Анна, и голос ее дрогнул от переполнявших ее чувств.

— Не красиво, а нереально! — Лена обняла ее за плечи, и они так и сидели, прижавшись друг к другу, замороженно глядя на приближающуюся землю. Каждый крен самолета, каждое уменьшение высоты заставляло их сердца биться чаще. Это был не просто перелет, это было падение в мечту.

Самолет коснулся посадочной полосы с легким встряхиванием, и по салону пронесся одобрительный гул. Аплодисментов не было, но Анна и Лена сами для себя аплодировали — молча, сжимая руки. У них получилось.

Аэропорт Лиссабона встретил их потоком теплого, пряного воздуха, смешанного с запахом кофе и моря. Длинная очередь на паспортный контроль могла бы раздражать, но они наслаждались каждой минутой. Они разглядывали людей вокруг: загорелых семей с детьми, влюбленные пары, одиноких путешественников с рюкзаками. Звучала португальская речь — быстрая, певучая, полная шипящих звуков, похожая на шум прибоя.

— Слушай, это же как в той песне, — улыбнулась Анна, закрывая глаза.

— Ага, только без грусти, — парировала Лена. — Одна сплошная предвкуша.

Наконец, в их паспортах громко щелкнули штампами. Они получили свой багаж и, следуя указателям, вышли в зону прилета. В толпе встречающих они быстро нашли человека с табличкой «Ms. Voronova & Guest».

— Здравствуйте! Мы ваши! — почти пропела Лена, подбегая к нему.

Водитель, улыбчивый темноволосый мужчина, представился Мигелем. Он забрал их чемоданы и повел к своему минивэну.

Дорога из аэропорта в город была отдельным аттракционом. Они прилипли к окнам, как две восторженные мухи.

— Смотри, какая плиточка на домах! Голубая! — пищала Анна, указывая на фасад очередного здания.

— А деревья! Это же апельсиновые деревья прямо на улице! — вторила ей Лена. — И они все в плодах! Можно срывать?

— Não, não, senhoras! — засмеялся Мигель, глядя на них в зеркало заднего вида. — Для красоты. Но запах от них хороший.

Они ехали по мосту, огромному и величественному, а под ним расстилался широкий эстуарий Тежу, сверкающий на солнце, усыпанный белыми лодочками. Воздух был густым и теплым, даже в октябре, и пахло морем, кофе и чем-то незнакомым, но безумно притягательным.

Отель оказался в самом сердце города, в лабиринте узких, крутых улочек, вымощенных брусчаткой. Небольшой, но уютный, с синим фасадом и кованым балкончиком.

Регистрация заняла еще немного времени, но они уже не нервничали. Они сидели на маленьком диванчике в лобби, впитывая атмосферу: запах старого дерева, тихую португальскую музыку и гул голосов на улице.

— Я не могу поверить, — сказала Анна, глядя на свою подругу. — Мы здесь. Мы в Португалии.

— А знаешь, что самое крутое? — Лена подмигнула ей. — Тот придурок сейчас на работе, злой и голодный, а мы... мы пьем портвейн. Ну, почти.

Наконец, им вручили ключи-карты. Номер был на последнем этаже, с тем самым балкончиком. Они влетели в него, бросили вещи и одновременно устремились к распахнутой двери. И замерли.

С балкона открывался вид на море терракотовых крыш, спускающихся к самой воде. А там, за ними, сиял на осеннем солнце Тихий океан. Бескрайний, мощный, дышащий свободой.

Лена обняла Анну за талию.

— Ну что, юрист Воронова? Готова к новым делам? Первое --- исследовать набережную. Второе — съесть всех морепродуктов. Третье — найти того ретривера из твоих фантазий.

Анна глубоко вдохнула. И это был не просто вдох. Это было первое настоящее дыхание.

Воздух, напоенный океаном, ворвался в ее легкие — густой, влажный, щедро соленый. Это была не та резкая, йодистая горечь северных морей, что она помнила из редких детских поездок. Это был мягкий, почти сладковатый вкус свободы и простора. Ветер, теплый и ласковый, даже в октябре, будто обнимал ее, забирая с кожи последнюю пылинку прошлого — запах старого страха, прокуренной квартиры, духоты невысказанных слов. Он трепал ее волосы, нежно касался щек, а на кончике языка оставлял крошечный, тающий кристаллик соли — самый дорогой и желанный десерт в ее жизни.

Она закрыла глаза, позволив этому вкусу и этому ветру смыть все. Звон в ушах от криков, холод в животе от страха, острую боль в боку от столкновения с углом столика — все это растворялось в этой всеобъемлющей, спокойной солености. Здесь не было места той ледяной ярости, что обжигала лицо горячим дыханием. Здесь было только теплое дуновение, обещание новых прикосновений.

Анна открыла глаза и посмотрела вниз, на улицу, вившуюся змейкой между домами. Там, внизу, текла своя, неторопливая жизнь. Люди прогуливались, не глядя на часы. Пожилая пара сидела за столиком кафе, разделяя одну порцию паштейша де ната, и их смех, тихий и радостный, долетал снизу, как журчание ручья. Мужчина с гитарой перебирал струны, и его музыка не требовала внимания, а просто существовала, как шум прибоя. Никто никуда не бежал. Никто не кричал. На лицах были спокойные, легкие улыбки — не для кого-то, а просто потому, что солнце светит, а воздух пахнет морем и кофе. Маньяна — это слово, которое она где-то читала, обретало плоть. Не «завтра», а «когда-нибудь, может быть». И это «может быть» звучало не как угроза невыполненных дел, а как щедрое обещание всей жизни, которая еще впереди.

Это был полный антипод той лихорадочной, унижительной спешке в аэропорту, той панике, что сжимала горло и заставляла ноги подкашиваться. Там они были двумя перепуганными мухами в стеклянной банке. Здесь они были частью этого холма, этого неба, этого океана. Здесь не нужно было ни от кого бежать. Можно было просто быть.

Она повернулась к Лене, и улыбка, которая родилась на ее лице, была шире и счастливее, чем все, что она могла себе представить за много-много лет. В ней не было ни тени вчерашних слез, ни тяжести похмелья. Была только чистая, соленая радость.

Анна глубоко вдохнула соленый воздух и улыбнулась такой широкой, счастливой улыбкой, какой не улыбалась много-много лет.

— Готова. По всем пунктам.

— Вот это я понимаю! — засмеялась Лена, отпуская ее. — Тогда что мы тут застыли, как два памятника? Морепродукты сами себя не съедят!

Они еще на мгновение задержались на балконе, в последний раз вдохнув полной грудью этот волшебный, соленый воздух — воздух их первого вздоха свободы. А затем Анна решительно развернулась и шагнула обратно в номер, уже не беглянкой из своей жизни, а путешественницей, готовой завоевать свой новый мир. Первым делом — набережную. Вторым делом — океан.

Глава 6. Город, вышитый солнцем

Глава 6. Город, вышитый солнцем

Воздух был тёплым и густым, как мёд. Они вышли из отеля, и летний бриз с Атлантики обвил их плечи нежным, солёным шёлком. Солнце ласкало кожу, а не палило — идеальный португальский день.

— О боже, смотри! — Анна остановилась как вкопанная, указав на стену дома.

Весь торец здания от земли до крыши был покрыт сине-белой мозаикой — азулежу. На плитках кто-то кропливо вывел сцены из морской жизни: корабли, рыбы, тритоны. Это была не просто облицовка, это была повесть, застывшая в керамике.

— Каждая улица здесь — как галерея, — прошептала она, проводя ладонью по прохладной, рельефной поверхности.

Они пошли дальше, и город разворачивался перед ними как волшебная шкатулка. Рыжие черепичные крыши, будто выгоревшие на солнце, образовывали причудливый, холмистый ковёр. Ярко-розовая бугенвиллия, как нахальный художник, каскадами свешивалась с кованых балконов, отчаянно контрастируя с охристыми стенами. Зелёные виноградные лозы оплетали фонарные столбы, а с ветвей апельсиновых деревьев, растущих прямо на тротуарах, доносился пьянящий, цветочный аромат.

— Природа здесь не просто существует, она танцует с архитектурой, — сказала Лена, запрокинув голову, чтобы рассмотреть фасад старого дворца, где каменные атланты соседствовали с пальмами, проросшими прямо из трещин в камне. — И они идеальные партнёры.

Они заблудились. Сознательно и с наслаждением. Узкие улочки, лестницы, внезапно приводящие к смотровым площадкам, где под ногами расстился весь город — яркий, пёстрый, как лоскутное одеяло, сшитое из света, керамики и зелени.

— Давай сюда! — Лена потянула её в арку, за которой открылся крошечный дворик. В центре росло раскидистое дерево, а под ним стоял старик, кормящий стайку голубей. Это была готовая картина, живая и дышащая.

Они вышли на просторную площадь, залитую солнцем. И тут Анна снова замерла, её взгляд приковал пол под ногами. Вся площадь была вымощена черно-белой известняковой мозаикой, сложенной в гипнотический волнообразный узор.

— Это же... вода, — выдохнула она. — Они выложили каменные волны.

Она присела на корточки, касаясь пальцами швов между камнями. Это была магия. Грубый камень, а в целом — лёгкое, текучее движение. Сочетание человеческого гения и природной гармонии.

— Знаешь, что я чувствую? — сказала Анна, поднимаясь и глядя на подругу сияющими глазами. — Я не просто вижу красоту. Я чувствую, как эта красота входит в меня и вытесняет всю ту серость, что копилась годами. Каждый этот цветочек на плитке, каждый луч на черепице... он как будто лечит меня.

Лена улыбнулась, её собственное лицо было безмятежным и счастливым.

— Я знаю. Это город-целитель. Он не показывает себя, он им становится. Тебе остаётся только дышать и впитывать.

Они дошли до знаменитого жёлтого трамвайчика №28, который, весело позванивая, пробирался в гору, словно игрушечный. Но они не стали в него садиться. Зачем куда-то ехать, когда можно просто идти, и за каждым поворотом тебя ждёт новая картина, новый оттенок счастья? Вместо этого они спустились вниз по крутой лестнице-улочке, направляясь туда, где город должен был расступиться перед самым большим чудом.

И вот наконец, из лабиринта разноцветных фасадов они вышли на простор. Перед ними открылась набережная — широкая, вымощенная светлым камнем, окаймленная пальмами, чьи

листья шелестели на ветру под аккомпанемент криков чаек. Это была знаменитая рибейра, дышащая пространством и светом. С одной стороны, дома в пастельных тонах — розовый, желтый, голубой. С другой — сверкающая на солнце бескрайняя гладь реки Тежу, уже почти океана. Вода переливалась всеми оттенками синего: от нежно-бирюзового у берега до глубокого индиго на горизонте, где она сливалась с таким же бескрайним небом. Белоснежные яхты и рыбацкие лодки покачивались на легкой зыби, их мачты рисовали на фоне неба тонкий частокол.

— Вот он... — Анна произнесла тихо, почти благоговейно. Она подошла к парапету и положила ладони на теплый камень. Воздух здесь был еще солонее, ветер — сильнее и свежее. Он раздувал ее волосы и легкую блузку, и Анна снова почувствовала на губах тот самый драгоценный соленый вкус. Она смотрела на мост 25-го Апреля, тянувшийся вдаль тонкой ажурной нитью, на статую Христа на противоположном берегу, раскинувшего руки над городом, и чувствовала, как что-то окончательно отпускает внутри. Здесь не могло быть места мелкому и темному. Здесь была только ширь, солнце и свобода.

Прогуливаясь вдоль воды, они дошли до более широкого песчаного участка пляжа, где берег становился пологим. И тут Анна увидела то, от чего у нее сердце замерло, а потом забилось с бешеной силой.

По кромке воды, где волны набегали и оставляли кружево пены, носилась целая свора собак. Яркие пятна золота, шоколада и белого на фоне песка и синевы. И среди них — больше всего было тех самых, мечтательных, золотистых ретриверов. Их было, наверное, штук пять или шесть. Они с радостным лаем гонялись за мячами, резвились в неглубокой воде, их мокрые шерстки блестели на солнце алмазной россыпью.

А руководила этим собачьим хороводом девушка. Молоденькая, худенькая, в потертом джинсовом комбинезоне на бретелях. Темные, почти черные волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. На лице, усыпанном веснушками, светились смеющиеся серые глаза. В одной руке она держала целый веер поводков, в другой — теннисную ракетку для запуска мячей.

Но больше всего Анну поразила одна собака. Небольшая, крепкая, с короткой шерсткой песочно-коричневого цвета и умными, темными глазами. Она не просто носилась с другими, а деловито плавала в небольшой волне, и когда вышла на песок, Анна разглядела на ее лапах... перепонки. Это была она, настоящая португальская водяная собака, уроженка этих берегов.

Анна замерла на месте, не в силах оторвать взгляд. Ее собственная, выстрадавшая в мечтах картинка — золотистый ретривер на фоне заката — ожила, размножилась и стала реальностью, наполненной лаем, брызгами и безудержной радостью.

Лена, заметив ее состояние, тихо подтолкнула ее в спину.

— Ну же. Твоя очередь. Это знак.

Анна сделала шаг, потом другой, подошла ближе. Девушка с поводками заметила ее и улыбнулась открытой, дружелюбной улыбкой. Один из ретриверов, молодой и любопытный, с мокрой мордой и палкой в зубах, тут же подбежал к Анне, виляя хвостом так, что с него летели брызги.

— Ой! — рассмеялась Анна, позволяя собаке тыкаться в ее ладонь холодным носом. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от восторга.

— Ele é muito amigável! — крикнула девушка и, видя вопрос в глазах Анны, перешла на ломанный, но понятный английский. — Он очень дружелюбный! Не волнуйтесь!

— Я не волнуюсь, — Анна ответила по-английски, наконец отрывая взгляд от собаки и глядя на девушку. — Это... они все такие прекрасные. А эта... — она указала на водяную собаку, которая, вернувшись, энергично отряхивалась рядом. — Португальская?

— Sim! Да! — девушка кивнула с гордостью. — Это Кай. Лучший пловец. А меня зовут Инеш.

Анна наклонилась, чтобы погладить Кая, и тот благосклонно принял ласку, тычась влажной головой в ее колени. Окружающие ретриверы, почувствовав новую источник внимания, начали подтягиваться, образуя вокруг Анны мягкое, пушистое, пахнущее морем и счастьем кольцо.

— Меня зовут... — Анна начала было, но тут ее взгляд встретился с понимающими глазами Лены, которая стояла поодаль, с улыбкой наблюдая за сценой. И Анна выпрямилась. Соленый ветер обдувал ее лицо. Она улыбнулась Инеш той самой, широкой, свободной улыбкой, которая теперь появлялась все чаще. — Для друзей я — Миша.

— Миша? — переспросила Инеш, весело сморщив нос. — Интересно. Рада познакомиться, Миша! Хочешь бросить им мяч? Они сойдут с ума от счастья.

— О да! — ответила Миша (да, теперь точно Миша) без тени сомнения.

Инеш протянула ей ракетку с воткнутом в нее ярко-оранжевым мячом. Миша взяла ее, почувствовав вес в руке, и сделала несколько неуверенных взмахов. Псы замерли в предвкушении, уставившись на мяч горящими глазами, хвосты работали как пропеллеры.

— Сильнее! — подбадривала Инеш. — В море!

Миша замахнулась и бросила. Мяч описал дугу и с глухим «бульком» плюхнулся в воду в паре метров от берега. То, что случилось дальше, было похоже на взрыв золотистого торнадо. С радостным лаем вся свора ринулась в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плыли, наперегонки, счастливые и целеустремленные. А Миша стояла, сжав в руке ракетку, и смотрела на них, и смеялась. Смеялась так искренне и беззаботно, как не смеялась, наверное, с самого детства. Она почувствовала легкий толчок в ногу — это Кай, португалец, принес первый мяч, опередив всех золотистых гигантов. Его умные глаза сверкали от победы.

— Молодец! — воскликнула Миша, наклоняясь, чтобы забрать мяч. Пес, не отпуская игрушку, начал легкую перетягивание каната, весело рыча.

Лена сняла это все на телефон, улыбаясь до слез. Это была не просто забавная сцена. Это было торжество. Торжество Миши над Анной, мечты над реальностью, жизни над страхом.

Они провели на пляже еще добрый час. Миша бросала мячи, бегала по песку, обнимала мокрых, доверчивых псов, а Инеш, сидя на песке, рассказывала о каждом из своих подопечных. Оказалось, она студентка-биолог, подрабатывает догситтером, и обожает свою работу.

— Они лечат душу, — сказала Инеш просто, глядя, как Миша трет за ухом огромного ретривера по кличке Дюк. — Лучше любой таблетки.

— Я верю, — тихо ответила Миша. — Я чувствую.

Когда солнце начало клониться к воде, окрашивая все в золото и розовый, они попрощались с Инеш и ее пушистой компанией. Миша в последний раз погладила Кая и самого ласкового ретривера, пообещав себе, что это — не последняя их встреча.

Они шли обратно по набережной, теперь уже в мягких лучах заката. Город зажигал огни, и в окнах домов на холмах загорались теплые желтые точки. Миша была тиха, но это была тишина глубокого, переполненного счастья.

— Ну что, — сказала Лена, обнимая ее за плечи. — Нашла своего ретривера?

Миша улыбнулась, глядя на темнеющий океан.

— Я нашла целую стаю. И знаешь что? Моя мечта оказалась даже лучше, чем я рисовала в голове. Она мокрая, пахнет морем, линяет на джинсы и приносит мячик обратно.

Они засмеялись и пошли ужинать, унося с собой на одежде песок, собачью шерсть и непередаваемое ощущение, что сегодняшний день — этот город, вышитый солнцем, набережная и случайная встреча — навсегда вышил золотой нитью что-то новое и прочное в самой ткани ее души.

Они пошли вдоль набережной, где в сумерках зажигались огни — не яркие и кричащие, а мягкие, теплые, как свет старинных фонарей. Воздух, все еще тёплый, теперь принёс с собой

новые ароматы — жареных каштанов, свежеиспечённых паштейш де ната и чего-то невероятно аппетитного, что вело их за собой, как незримая нить.

Ресторан, который они выбрали (или он выбрал их), располагался прямо на краю каменной набережной. Это была не просто терраса — столики стояли на самой границе, где плитка под ногами встречалась с тёмным, уже ночным песком. От океана веяло свежестью и тайной. Их провели к столику у самого парапета, под рыжеватым тёплым светом большого бра, и перед ними открылась полная картина: бескрайняя, бархатная чернота Атлантики, прошитая серебряной лунной дорожкой, и тёмный силуэт далёкого мыса с мигающим огоньком маяка.

Атмосфера была волшебной. Негромко, как фон, звучала живая музыка — где-то внутри играли на португальской гитаре и акустической гитаре. Меланхоличные, немного ностальгические фаду не давили, а обволакивали, переплетаясь с шепотом волн и смехом гостей. Это был не концерт, а часть вечера, его дыхание.

— Боже, — прошептала Анна, опускаясь на стул и глядя на горизонт. — Кажется, я попала внутрь открытки. Той самой, которую когда-то хотела отправить себе из будущего.

— А я чувствую себя героиней какого-то невероятно красивого фильма, — ответила Лена, её глаза блестели в свете пламени свечи на столе. — Только здесь нет режиссёра. Всё по-настоящему.

Официант, элегантный мужчина с седыми висками и внимательными глазами, принёс меню и винный лист, порекомендовав на сегодня свежего морского черта, только что привезённого с утреннего улова, и осьминога на гриле. Они заказали оба блюда, а к ним — бутылку местного белого вина Vinho Verde, лёгкого и слегка игристого.

Пока ждали заказ, они просто сидели и молчали, глядя на океан. Это молчание не было неловким. Оно было насыщенным, наполненным пережитым днём — красками азулежу, солёным ветром, радостным лаем собак и собственным, новым, лёгким дыханием. Музыка нарастала, голос певицы, исполнявшей фаду, зазвучал сильнее — страстно, с надрывом, но в этой страсти была не боль, а сила.

— Ты знаешь, — сказала Анна, наливая вино в бокалы. — Когда-то я думала, что счастье — это когда всё спокойно, предсказуемо, тихо. Как в аквариуме. А оказалось...

— ...что счастье — это когда тебя обнимает ветер с океана, пахнущий свободой, а под ногами скрипит песок, принесённый волной из неизвестных мест, — закончила за неё Лена, чокаясь с ней. — За наш непредсказуемый, шумный и самый лучший побег.

Блюда, которые им принесли, были произведением искусства. Морской чёрт лежал на тарелке в облаке лёгкого соуса из белого вина и зелени, а осьминог, нежный и ароматный, был подан с тушёной молодой картошкой и паприкой. Они ели медленно, смакуя каждый кусочек, и еда казалась продолжением этого дня — такой же свежей, яркой, щедрой.

В какой-то момент музыканты вышли на небольшую площадку прямо рядом с террасой. Певец с гитарой запел что-то на португальском, его голос был тёплым и хриловатым. Он пел о море, о любви, о saudade — той самой светлой грусти по чему-то, чего, возможно, и не было. И Анна, не понимая слов, понимала всё. Эта грусть больше не пугала её. Она была частью этой красоты, её глубиной.

— Давай потанцуем? — вдруг предложила Лена, чьи глаза блестели от вина и музыки.

— Здесь? — удивилась Анна.

— А почему нет? Мы же на краю света.

И они встали, отошли немного в сторону, на свободное пространство у стены, залитое лунным светом. И просто начали медленно кружиться под грустную-счастливую музыку фаду, не зная шагов, просто следуя за ритмом волн и гитары. Песок скрипел под их сандалиями, солёный ветер трепал подола платьев. Они смеялись, как две девочки, чувствуя на себе взгляды других гостей — не осуждающие, а скорее, понимающие и одобрительные. В этом месте, казалось, все были немного влюблены — в жизнь, в этот вечер, в океан.

Когда они вернулись за столик, десерт — та самая паштейш де ната с корицей — казался уже не просто сладостью, а точкой в идеальном предложении, которым стал этот день. Они пили кофе, и Анна снова смотрела на лунную дорожку, ведущую в темноту.

— Знаешь, о чём я думаю? — тихо сказала она. — О том, что, наверное, нельзя убежать от проблем. Их можно только оставить далеко позади, на другом берегу. А здесь... здесь можно начать новую главу. С чистого, солёного листа.

— И написать её так, как ты хочешь, — кивнула Лена. — Даже если в ней будут собаки, забрызганные морской водой, и нелепые танцы под фаду.

Они заплатили счёт и вышли на набережную, теперь уже пустынную и освещённую только луной и редкими фонарями. Музыка из ресторана доносилась сзади, всё тише, превращаясь в эхо. Они шли медленно, не торопясь возвращаться, впитывая последние капли этой волшебной ночи.

И в тот момент, когда они уже сворачивали в сторону отеля, на горизонте, над тёмной гладью океана, вспыхнула далёкая молния — беззвучная, лишь на миг озарившая край неба призрачным светом. Как обещание. Как намёк на то, что за горизонтом, куда ведёт лунная дорожка, ждёт ещё столько же неизведанного, прекрасного и свободного.

— Завтра, — сказала Анна, глядя на эту вспышку, — мы проснёмся и снова пойдём открывать этот город. И океан.

— Завтра, — согласилась Лена, беря её под руку. — И послезавтра. И все дни, которые будут. Потому что наша история только началась.

И под аккомпанемент далёких гитар и шепота прибоя они шагнули в тёплую, бархатную лиссабонскую ночь, унося с собой вкус соли на губах, музыку в сердце и непоколебимую уверенность в том, что этот первый день свободы был самым правильным решением в их жизни.

Глава 7. Ключи от свободы

Глава 7. Ключи от свободы

Миша проснулась рано, еще до того, как первые лучи солнца позолотили верхушки терракотовых крыш. Рядом, свернувшись калачиком, сладко спала Лена. Тишина была густой и благодатной, нарушаемой лишь редким криком чайки. Миша осторожно выбралась из постели, накинула на плечи мягкий плед и вышла на балкон.

Утро было прохладным и кристально чистым. Воздух, еще не нагревшийся, пах ночной сыростью, морем и цветущим жасмином. Город внизу только начинал просыпаться: где-то хлопнула дверь, чирикнула ранняя птица. На востоке, над темной гладью Атлантики, небо медленно переливалось из индиго в нежно-персиковый, а затем в пламенеющий золотой. Она сидела, укутавшись в плед, пила этот рассвет глазами и чувствовала, как тишина наполняет ее изнутри — не пустотой, а спокойной, уверенной силой. Это был ее рассвет. Ее тишина. Никто не мог отнять его или нарушить.

Когда солнце уже стояло над горизонтом, раздался сонный голос:

— Ты что, монашка-отшельница? Или завела роман с этим балконом? — Лена, помятая и сонная, стояла в дверях, зевая.

— Роман, — улыбнулась Миша, не оборачиваясь. — Самый искренний. Иди сюда, посмотри.

Они постояли молча, плечом к плечу, пока город окончательно не ожил под солнечными лучами. Затем, полные свежей энергии, отправились исследовать утренний Лиссабон.

Они шли неспешно, вдыхая ароматы пробуждающегося города. Их внимание привлекло одно неприметное снаружи, но невероятно уютное место: маленькая кофейня-пекарня. Сквозь запотевшее от пара окно были видны полки, ломящиеся от свежих булок, кренделей и воздушных бриошей. Дверь, открыв которую, их окутал волшебный, сбивающий с ног запах — горячего масла, ванили, свежемолотого кофе и теплого теста.

Внутри за прилавком стояли двое: пожилая пара. Женщина с добрыми глазами цвета темного меда и серебристой косой, ловко управлялась с кофемашиной. Мужчина, худошавый, с морщинками у глаз, похожими на лучики, доставал из печи новый противень с румяными паштейш де ната.

— Bom dia! — хором поздоровались они, и их улыбки были такими же теплыми, как воздух в пекарне.

— Bom dia, — ответила Миша, чувствуя, как это место обволакивает ее, как объятие бабушки. Кофейня была их домом в прямом смысле: старые семейные фото на стенах, вышитые салфетки, кот, мурлыкающий на подоконнике.

— Туристки? — спросил мужчина, Жуан, на ломаном английском.

— Беглянки, — не задумываясь, ответила Лена, и все рассмеялись.

Жуан кивнул, как будто понял всё без слов.

— Лучшее лекарство — солнце, море и наш кофе. И паштейш, конечно. Только что из печи.

Они взяли две чашечки ароматного биса (крепкого кофе) и по две еще теплых, тающих во рту паштейш. Пока ели, болтали с Марией и Жуаном о погоде, о городе, о том, как они вот уже сорок лет вместе держат эту пекарню. Это была не просто беседа — это был урок тихой, прочной, ежедневной любви, выпекаемой, как хлеб. Прощаясь, Мария сунула им в руки еще по одной булочке «про запас».

— Спасибо, — сказала Миша, и слова были наполнены искренней теплотой. — Вы делаете мир добрее.

Жуан подмигнул:

— Мир и так хорош. Надо просто уметь его пробовать. Как нашу выпечку.

Они вышли на улицу, неся с собой тепло пекарни и сладкую сытость. И именно в этот момент абсолютного умиротворения Миша сделала нечто совершенно спонтанное и безумное. Она машинально листала телефон, просматривая вчерашние фото с собаками и закатом. И вдруг ее лицо озарилось хитрой, почти озорной улыбкой, от которой Лена тут же насторожилась.

— Что? — сразу спросила она, облизывая крошки с пальцев. — Ты нашла пекарню, где выпекают золотых ретриверов?

Миша ничего не ответила. Ее пальцы пролетели по экрану с невероятной скоростью, будто она проводила операцию. Через пару минут она резко вскочила с каменного парапета, на котором сидели.

— Получилось! — выдохнула она, и в ее глазах плясали чертики.

Лена прыгнула вслед за ней.

— Ты меня окончательно пугаешь! Что случилось?

— Я взяла нам в аренду автомобиль! — Миша повернула к подруге телефон, на экране которого красовался грозный силуэт. — Мы едем колесить по Португалии! Настоящее приключение!

Лена застыла с открытым ртом, забыв про булочку.

— Вау! Это же... Но на чем? Какой-нибудь рыдван, чтобы вписываться в местный колорит?

Миша посмотрела на нее с вызовом, и в ее голубых глазах плескалось море дерзости, накопленное за годы тишины.

— Нет. Я взяла нам «Мустанг». Mustang GT. Черный.

Наступила секунда оглушительной тишины, а затем Лена издала звук, средний между визгом совы и рыком той самой дикой лошади с эмблемы.

— ТЫ ЧТО?! Тот самый, про который ты сто лет тайком на стену рабочего кабинета картинки клеила? Миша, да ты королева! Королева побега и теперь еще и скорости!

Она схватила подругу в охапку, и они, смеясь, закружились посреди тротуара, чуть не сшибая с ног прохожего почтенного вида.

— Так, а где забираем? — выдохнула Лена, отпустив ее и поправляя сумку.

— В пятнадцати минутах ходьбы, в том современном квартале. Поехали?

— Поехали! Но сначала доедим булочки — силы понадобятся!

Они почти бежали, и Миша чувствовала, как внутри все замирает в сладком, щекочущем нервы предвкушении. Это была не просто аренда машины. Это было исполнение давней, запрятанной глубоко, почти стыдливой мечты, о которой она даже себе редко признавалась, боясь показаться нелепой. Мечты о силе, контроле и безудержной скорости.

Пункт аренды премиальных автомобилей находился в гладком, стеклянном здании. И вот они увидели Его.

Он стоял чуть в стороне, на нем будто сошелся весь свет, но при этом он, казалось, не отражал его, а поглощал, оставаясь глянцевой черной бездной. Мустанг. Широкий, приземистый, с длинным капотом и агрессивным силуэтом, напоминающим хищника, присевшего перед прыжком. Он не стоял, а скорее покоился у тротуара, как дикий зверь на временной привязи, полный скрытой, едва сдерживаемой мощи.

— О боже... — прошептала Миша, медленно подходя ближе. Она, затаив дыхание, осторожно провела ладонью по прохладному, идеально гладкому капоту. Под тонким слоем пыли городского утра металл был живым и холодным. — Он настоящий.

— Девушка, вы точно уверены в своем выборе? — вышел из офиса сотрудник, молодой португалец, с улыбкой наблюдая за ее благоговейной реакцией. — У него характер. Не самый простой для наших узких улочек.

— Абсолютно уверена, — ответила Миша, и ее голос звучал твердо, без тени сомнений. Она взяла ключ — тяжелый, солидный брелок с той самой лошадью. Он лежал в ладони весом обещания.

Лена тем временем уже открыла пассажирскую дверь с характерным глухим, премиальным щелчком и устроилась в просторном кожаном салоне цвета слоновой кости.

— Ты только посмотри на эту панель! Это же кабина истребителя! Миша, родная, я твой пожизненный штурман и оператор громкой связи! Ой, тут даже охлаждение для сидений есть!

Миша села за руль. Кожаное кресло с боковой поддержкой мягко, но уверенно обняло ее. Она положила руки на руль, почувствовав его удобную, прохладную толщину. Глубокий вдох. Аромат новой кожи и едва уловимой остроты свободы. Она повернула ключ.

Двигатель ожил не бодрым, деловитым урчанием, а низким, басовитым рычанием, который отозвался глубокой вибрацией во всем ее теле, от кончиков пальцев на руле до пяток. Этот звук был голосом той самой силы, что она в себе откопала, — мощной, ничем не сдерживаемой, чистой энергии.

Она посмотрела на Лену, на ее восторженное, сияющее лицо, на панель приборов, где загорелся целый созвездие лампочек. Она почувствовала не страх новичка, а абсолютную, безраздельную власть над этим мгновением, над этой машиной и над дорогой, что ждала впереди.

— Ну что, — сказала Миша, и в ее голосе звенела сталь, которой не было там еще вчера. — Покажем этой прекрасной стране, какие у нас аппетиты? На север, к скалам и вину? Или на юг, к пляжам, где конца и края нет?

— Давай на юг! — хором ответила Лена и могучий V8 под капотом, будто одобряя выбор.

Черный «Мустанг» плавно, почти неслышно, тронулся с места, его низкий рык заставил пару голубей на тротуаре вспорхнуть. Он был не просто автомобилем. Он был продолжением ее воли, ее новыми крыльями, отлитыми в стали и бензине.

И они, две беглянки в черном «Мустанге», медленно выехали из тихого переулочка на набережную, где ветер с океана уже ждал, чтобы промчаться вместе с ними навстречу новому горизонту.

Глава 8. Золотой вечер в Алгарве

Глава 8. Золотой вечер в Алгарве

Дорога на юг стала для них синонимом абсолютной, ничем не омраченной свободы. Черный «Мустанг» летел по прибрежному шоссе, справа от которого обрывались вниз отвесные скалы, поросшие соснами и пробковым дубом, а слева простиралась бескрайняя, сияющая под полуденным солнцем лазурь Атлантики. Воздух, густой от ароматов моря, нагретой смолы и дикого чабреца, врвался в открытые окна, развевая волосы.

Они мчались с попутным радио, включенным на полную громкость. Песни — то зажигательные португальские фаду в современной обработке, то знакомые мировые хиты — звучали как саундтрек к их личному кино. Они пели во весь голос, не стесняясь фальшивых нот, смеялись над глупыми текстами и просто кричали от восторга, когда очередной серпантин открывал умопомрачительный вид на океанскую бездну.

По пути они заезжали во все значимые места, о которых читали. Остановились на легендарном мысу Кабо-да-Рока, самой западной точке континентальной Европы, где ветер свистел так, что заглушал все мысли, а волны бились о скалы с первобытной силой. Посетили сказочный дворец Пена в Синтре, яркий, как конфета, выглядывающий из облаков на вершине лесистого холма. Заблудились в узких улочках рыбацкой деревушки Назаре, где с балконов сушились сети, а запах жареных сардин витал в каждом переулке. Каждая остановка была глотком новой радости, новым цветом в палитре их приключения.

И вот, преодолев еще несколько десятков километров на юг, они увидели его. Пляж, похожий на райскую открытку, о которой можно только мечтать. Огромный золотистый полумесяц песка, обрамленный причудливыми оранжевыми скалами, изъеденными ветром и водой в затейливые арки, гроты и тоннели. Вода была не просто синей — она переливалась всеми оттенками бирюзы и изумруда, настолько прозрачной, что даже с берега было видно темные пятна подводных скал и стайки мелких серебристых рыбок.

— Аааа! — закричала Лена, еще до полной остановки машины, распахнув дверь. — Это же тот самый пляж из всех блогов! Мы здесь!

Они, не сговариваясь, как две девочки, бросились к воде на перегонки, скидывая по пути шлепанцы. Первые леденящие брызги, смех, когда волна накрыла их по колени, и они, взявшись за руки, начали прыгать в набегающие пенистые гребни. Потом перешли к танцам — нелепым, счастливым, с взмахами рук и криками восторга, абсолютно не заботясь о том, кто на них смотрит.

Их необычайную радость заметили. И не просто заметили.

— Миша! Лена! Эй!

Они обернулись на знакомый голос. По песку к ним, улыбаясь во весь рот, бежала та самая девушка в джинсовом комбинезоне — догситтер Инеш. Рядом с ней резвилась свора собак, среди которых Анна сразу узнала умные глаза португальской водяной собаки Кая и золотистую шерсть нескольких ретриверов.

— Какие встречи! — засмеялась Инеш, обнимая их. — Я тут с друзьями! Мы сняли домик на неделю. Присоединяйтесь!

Она махнула рукой в сторону группы молодых людей, которые как раз натягивали волейбольную сетку. Среди них Анна заметила высокого парня с копной черных кудрей, который ловко перебрасывал мяч.

— Эй, красотки! — крикнул он, заметив их взгляд. — Команда не полная! Хватит плескаться, давайте играть!

Лена, не задумываясь, потянула Анну за руку.

— Конечно, давайте! Миша, ты же у нас спортивная!

Игра была азартной, смешной и совершенно несерьезной. Они то и дело промахивались по мячу, сталкивались друг с другом, падали на песок и смеялись до слез. После нескольких партий, когда все рухнули отдохнуть, начались знакомства.

— Я Тэо, — представился кудрявый парень, с интересом глядя на Лену. — Владелец бара там, на скале. А это мои друзья.

Общение было легким и непринужденным. Тэо, узнав, что они только приехали, тут же предложил: «Вам же где-то жить! Я знаю отличные домики в пяти минутах езды. Хозяин — мой дядя».

Домики оказались именно такими, о которых можно мечтать: небольшие, с белоснежными оштукатуренными фасадами, ярко-синими ставнями и дверями цвета фуксии. Их террасы были утопают в бугенвиллиях всех оттенков — от пурпурного до оранжевого. Они сняли один такой на пару дней. Внутри было прохладно и просто, пахло чистыми простынями и лавандой.

Позже, уже переодевшись после душа, они сидели на своей террасе, потягивая местное вино и слушая стрекот цикад. Лена не умолкала, обсуждая Тэо, его улыбку и то, как он смотрел на нее во время игры.

— А у меня, кажется, свидание с океаном, — улыбнулась Анна, глядя на розовеющее небо. — И я не против.

Вечером, переодевшись в легкие летящие платья — Лена в алое, Анна в цвета морской волны, — они нарядились, сделали друг другу легкие укладки и, полные предвкушения, отправились на вечеринку, куда их пригласили Тэо и Инеш.

Пляж преобразился. Вдалеке, у подножия скалы, горел большой костер, вокруг которого толпились люди. Звучала живая музыка — кто-то играл на гитаре, кто-то отбивал ритм на кахоне. В воздухе витал волшебный коктейль запахов: дым костра, жареные на гриле сардины и кальмары, сладковатый дымок от барбекю и, конечно же, соленый бриз.

Их встретил Тэо. Он был в светлой льняной рубашке, расстегнутой на пару пуговиц.

— Вы пришли! Прекрасно выглядите, — он сразу же подошел к Лене и взял ее за руку. — Пойдем, покажу тебе мой «бар» — он сегодня работает на пляже. Угощу фирменным коктейлем «Закат в Алгарве».

— Лена, а вот и твой «Закат в Алгарве!» — парень, улыбаясь, протянул ей высокий бокал, в котором слоями переливались гранатово-оранжевые и золотистые оттенки. — Гренадин, свежий апельсиновый сок, местный джин и капля тайны.

— Тайны? — подняла бровь Лена, с любопытством разглядывая коктейль.

— Ну да! Тайна в том, что секрет рецепта знаю только я. И я никому не рассказываю, — он подмигнул. — Попробуй, сама разгадаешь.

Лена сделала глоток и закатила глаза от наслаждения.

— О, боже... Это... это вкус самого лучшего дня в моей жизни. Сладкий, терпкий, с долей безумия.

— Значит, секрет удался, — Тэо улыбнулся, довольный. — Так расскажи, какой он, самый лучший день в твоей жизни? Пока что, я вижу только счастливую девушку в красном платье на португальском пляже.

— Это только начало, — загадочно ответила Лена. — Начало большой истории про двух подруг, которые устали бояться.

Анна осталась на краю, наблюдая. К ней почти сразу же подошел симпатичный блондин, представился Маркушем, другом Инеш, и пригласил на танец.

— Так ты говоришь, ты уехала... просто так? Без плана? — переспросил Маркуш, его английский был почти безупречен.

— Да, можно и так сказать. Мы просто сели в самолет.—Ответила Анна.

— Bravo. Это очень смело. Большинство людей только мечтают, но сидят в своих клетках, потому что «а что, если». А твоё «а что, если»?

— Мое «а что, если» теперь пахнет океаном и имеет мощностъ в четыреста лошадиных сил, — она кивнула в сторону черного «Мустанга», видневшегося вдали под фонарем.

Маркуш рассмеялся.

— Это лучший ответ, который я когда-либо слышал. За это нужно выпить! — Он поднял свой бокал. — За смелость и за лошадиные силы!

— За новые горизонты, — чокнулась с ним Анна.

Потом был еще один парень, который принес ей стакан холодного мохито. Она танцевала, смеялась, поддерживала легкие беседы на ломаном английском и португальском, перемежаемом жестами. Она чувствовала себя легко, красивой и желанной. Впервые за многие годы мужское внимание не казалось ей грубым, обязательным или пугающим — оно было просто приятным, легким флиртом, частью этой волшебной ночи.

Но в какой-то момент, когда она стояла с бокалом в руке и наблюдала, как Лена, заливаясь счастливым хохотом, пытается научить Тэо какому-то нелепому движению из русского танца, ее накрыло странное, глубокое чувство. Она смотрела на все это со стороны. На огонь, отражающийся в глазах танцующих, на темный, бескрайний океан, сливающийся со звездным небом. И внутри у нее было тепло и спокойно от вина и общей атмосферы, но... пусто. Это был не ее огонь. Не ее танец. Это была красивая, чужая сказка, в которую она заглянула.

Чуть позже Инеш, покрасневшая от танцев, подбежала к Анне.

— Инеш: Ну что, Миша, не ожидала меня здесь увидеть?

— Анна: Это Португалия, кажется, она размером с почтовую марку, где все друг друга знают! Как твои подопечные?

— Инеш: О, они сейчас счастливо спят в домике, уставшие от моря. А Кай — он, кажется, влюбился в тебя. Весь вевер только и делал, что вилял хвостом, когда я упоминала твое имя.

— Анна: А я — в него, — улыбнулась Анна. — Он напомнил мне, что простые радости — лучшие.

— Инеш: Это точно! Эй, смотри, — она указала на Лену и Тэо, которые теперь пытались танцевать сальсу под совершенно неподходящую для этого гитарную музыку, покатываясь со смеху. — Кажется, твоя подруга нашла здесь не только пляж.

Анна наблюдала за ними с теплой улыбкой.

— Анна: Да, это похоже на нее. Бросаться в омут с головой. И хорошо.

Вскоре к Анне подошел еще один парень, друг Маркуша, с предложением.

— Незнакомец: Эй, слышал, ты из России. Правда, что у вас водка течет из крана?

— Анна: Только по большим праздникам, — с серьезным видом ответила Анна. — А в остальное время — медведи ее караулят.

Парень засмеялся, поняв шутку.

— Незнакомец: Остроумно. Меня зовут Педру. Хочешь, покажу, где готовят лучших сардин на всем этом побережье? Гриль вот прямо там.

— Анна: Спасибо, но я, кажется, уже перебрала сегодня впечатлений, — вежливо, но твердо отказалась Анна. — Пойду немного пройдуся, подышу воздухом.

Она поймала взгляд Лены через толпу и сделала ей знак рукой: «Ухожу, все хорошо». Лена, уже слегка навеселе, широко улыбнулась и послала ей воздушный поцелуй, крикнув что-то неразборчивое, утонувшее в музыке и смехе.

Анна медленно отошла от шума и огней. Проходя мимо импровизированного бара, она услышала обрывки разговора Тэо с кем-то из его друзей:

— Тэо: ...она невероятная. Такая... живая. Как огонь в этом костре.

— Друг: Смотри, не обожгись, ато.

— Тэо: Ой, да ладно тебе. Иногда нужно просто дать себя унести течению.

Улыбнувшись про себя, Анна направилась к стоянке. Ей вдруг страшно захотелось своей, тихой магии. Не тишины одиночества, а тишины наполненности — под аккомпанемент вечного шепота волн и в компании собственных, еще не до конца понятых, но таких ценных мыслей.

Решив не мешать Лене, которая явно была в своей стихии, Анна незаметно развернулась и пошла по прохладному песку к стоянке, где они оставили машину. Ее черный «Мустанг» стоял под одиноким уличным фонарем, отбрасывая длинную, четкую тень. Она почувствовала легкую дрожь в коленях — от усталости, от переизбытка эмоций за день, от этого внезапного, щемящего ощущения легкой грусти посреди всеобщего веселья.

Она подошла к машине и, опустив голову, начала рыться в сумочке в поисках ключей. Песок хрустел под ногами. В этот момент она не видела и не слышала ничего вокруг, погруженная в свои мысли, в контраст между дневным восторгом и вечерней меланхолией.

Внезапно сзади кто-то грубо прижался к ней, вырвав ее из раздумий. Прежде чем она успела вскрикнуть или обернуться, она ощутила холодный, твердый металл, упершийся ей в бок, чуть ниже ребер. И тяжелое, горячее мужское дыхание у самого уха, пахнущее табаком и чем-то резким, химическим.

— Ни звука, — прошипел низкий, незнакомый голос с грубым, не португальским акцентом. — Медленно садись в машину. Заводи. Если крикнешь или попытаешься убежать — пушу пулю в почку. Будешь медленно и очень громко умирать прямо здесь, в песке. Поняла?

Ледяной ужас, острый и бездонный, парализовал ее. Сердце замерло, а потом забило с такой силой, что ее затошнило, и в глазах потемнело. Все краски вечера — огонь, музыка, смех — все это мгновенно оборвалось, превратившись в черно-белый, звуконепроницаемый кошмар. Она кивнула, не в силах издать ни звука. Ее пальцы, дрожа как в лихорадке, нащупали холодный металл брелока.

Она щелкнула, дверь открылась с тихим щелчком, который прозвучал для нее как выстрел. Она опустилась на водительское сиденье, ее ноги были ватными. Мужчина быстро сел сзади, приставив ствол к ее затылку так, что холод проник сквозь волосы к коже.

— Заводи. Едем на север, по старой дороге. Не сворачивай, пока не скажу.

Она повернула ключ. Грозный, басовитый рык «Мустанга», который днем дарил ей восторг, прозвучал теперь как погребальный марш. Она машинально посмотрела в зеркало заднего вида, пытаясь разглядеть лицо, но оно было скрыто в глубокой тени, отбрасываемой капюшоном темной толстовки. Она увидела только крупную руку в черной перчатке, сжимающую короткий, матовый ствол пистолета.

И в этот момент, прежде чем выжать сцепление, она увидела нечто другое. Лену. Ее подруга, смеясь и что-то крича Тэо через плечо, обернулась в их сторону и помахала ей рукой, думая, что Анна просто решила уехать пораньше. Счастливое, беззаботное, сияющее в свете костра лицо.

Слезы боли, страха и бессилия выступили на глазах у Анны. Она моргнула, смахнула их тыльной стороной ладони и, повинаясь приказу холодного металла у затылка, тронулась с места. Черный «Мустанг» плавно выехал с грунтовой стоянки на асфальт, увозя ее в непроглядную ночь и оставляя позади весь ее мимолетный, золотой рай, последний кадр которого — машущая рука лучшей подруги.

Глава 9. Запертые в тишине

Глава 9. Запертые в тишине

Черный «Мустанг» мчался по узкой сельской дороге, в полной, непроглядной темноте. Лишь длинные лучи фар выхватывали из черноты стены оливковых рощ, каменные ограды, редкие указатели с нечитаемыми названиями. Анна сжала руль до побеления костяшек. Страх, острый и всепоглощающий, пытался подняться в горле паникой, но она с силой втолкнула его обратно, заставив себя дышать ровно. Её мысли, вначале хаотичные и пугающие, начали выстраиваться в холодную, логическую цепочку, словно сама опасность включила в её голове аварийный режим. «Оружие у него. Пистолет. Он ранен, значит, слаб. Болевая точка. Движения замедлены. Если резко дернуть руль... Нет. Рискнуть вылететь в кювет и остаться с ним наедине в темноте? Безумие. Бежать? Скорость, открытая дверь... Слишком опасно. Значит, пока — подчиняться. Слушать. Ждать момента».

Вдруг из темноты сзади раздался его голос, низкий и напряженный, прерываемый хрипотцой:

— Дай свой телефон. Быстро.

Анна вздрогнула, но не обернулась. Её глаза впились в зеркало заднего вида, пытаясь в полумраке салона уловить состояние своего невольного штурмана. Она видела лишь смутный силуэт, склонённую голову и руку, прижатую к животу. И другое — блеск металла в другой его руке. Пистолет, который он не выпускал.

— Быстрее, — повторил он по-португальски, и холодный ствол упруго постучал её по плечу, заставив вздрогнуть. Затем он перешел на английский, четко и безжалостно: — И разблокируй.

Сердце бешено колотилось, но пальцы её были удивительно послушны. Лево́й рукой она вытащи́ла телефон из кармана на двери и протянула его назад, не отрывая глаз от дороги.

Он взял его, свет экрана озарил на мгновение его черты — бледные, напряженные, с капельками пота на лбу. Он быстро что-то вбил.

— Вот, — он протянул телефон обратно, на экране горела точка на карте в глухой сельской местности. — Езжай по этому адресу.

Несколько минут они ехали в гнетущем молчании, нарушаемом лишь гулом мотора и его тяжелым дыханием.

— Как твое имя? — внезапно спросил он, и в его голосе появилась странная, неестественная для ситуации нормальность.

Вопрос повис в воздухе. В голове Анны, заточенной холодным расчётом, мгновенно сработала цепочка. «Зачем он спрашивает? Чтобы обратиться? Чтобы записать в список? Чтобы обезличить перед тем как...» Нет. В его голосе не было той плоской, безэмоциональной жестокости, которая предвещает немедленную расправу. В нём была усталость, боль и... любопытство. Отчаянный, интуитивный расчет оформился в решение.

«Жертва без имени — это просто «тема», объект. Её проще выбросить, уничтожить, забыть. Но у жертвы с именем уже есть история. С ней уже установлена личная, пусть и уродливая, связь. Её сложнее просто стереть с лица земли. Особенно если её видишь, если она уже от тебя что-то услышала. Это как крючок в сознании. Мизерный шанс, но он есть. Игра на чужезащиту. Даже у такого».

Она сделала небольшую, нарочитую паузу, как бы раздумывая, а на самом деле, чтобы её ответ прозвучал не как испуганная подачка, а как взвешенный, почти равный обмен.

— Анна, — сказала она наконец, твёрдым, низким голосом, в котором не дрогнула ни одна нота. Она назвалась не для того, чтобы умиловить, а чтобы обозначить своё присутствие. Своё существование. «Я — Анна. Я здесь. И ты это знаешь».

— Очень приятно, Анна, — отозвался он, и в его тоне снова промелькнула та же искаженная усмешка, но теперь в ней, возможно, было чуть меньше абстрактной угрозы и чуть больше конкретного узнавания. — Меня зовут Нико.

Анна не смогла сдержать тихое, едва слышное бормотание, вырвавшееся из глубины души:

— Не могу сказать, что я тоже в восторге от этого чудесного знакомства.

Из темноты сзади раздался короткий, хриплый смешок, больше похожий на стон.

— А ты дерзкая и бесстрашная. Не в твоём положении так отвечать похитителю.

— В моём положении, — парировала Анна, всё ещё глядя в зеркало, — уже нечего терять. А страх... его у меня сегодня была уже целая доза. Кажется, я выработала иммунитет.

— Но не бойся, — продолжил он, и его голос внезапно смягчился, став почти бархатным, что было ещё страшнее. — Тебя я не трону. Твоему хорошенькому личику эта дерзость... идет.

«Хорошенькое личико», — мысленно передразнила она его с отвращением, но вслух промолчала. Её внимание перехватил голос навигатора, прозвучавший странно громко в тишине салона:

— «Через двести метров поверните направо».

— Внимание, — голос Нико снова стал командным. — Справа будет дом с синей крышей. Проедь к заднему въезду и останови машину. Выключи фары.

Анна повернула, как велели, и «Мустанг» медленно въехал на грунтовую площадку за старым, облупленным домом. В свете угасающих фар она успела заметить черепичную крышу, густо поросшую плющом. Она заглушила двигатель и выключила свет. Тишина после рыка мотора была оглушительной.

— Мы приехали, — повторила она, уже не как вопрос, а как констатацию, снова глядя в зеркало.

Он сидел, сгорбившись, его дыхание стало прерывистым и хриплым. В слабом свете, отраженном от белой стены дома, она, наконец, разглядела его чуть лучше. И на несколько секунд просто замерла, забыв дышать.

«Черт, да он красавчик», — пронеслось в голове у нее с нелепой, парализующей ясностью. Идеально уложенные черные как смоль волосы, ни единого намека на седину. Безупречно гладко выбрит, кожа смуглая. Черты лица — словно высеченные резцом скульптора: высокие скулы, твердый подбородок, губы, сжатые в тугую ниточку. Но главное — его глаза. Глубокие, темные, почти черные. Сейчас они были сужены от боли, но в них пылал магнетический, гипнотический огонь, парализующий волю. И алая, почти черная в этом свете, полоса крови, проступившая через дорожную, мятую белую рубашку на животе. Он все еще прижимал к ней ладонь.

— Вы... вы ранены, — тихо сказала она, не как вопрос, а как констатацию факта.

— Включи внутренний свет, — скомандовал он, и его бархатный голос снова обрел стальную нотку, вибрируя от сдерживаемой боли.

Она повиновалась. Свет в салоне осветил его, подчеркнув безупречную, почти вызывающую своей совершенством внешность, которая так контрастировала с дикостью ситуации. Он посмотрел на нее, и его темный, пронизывающий взгляд снова приковал ее к месту.

— Ключи от машины и твой паспорт, — протянул он свободную руку. Его пальцы были длинными, ухоженными, но сильными.

— Почему паспорт? — дрогнувшим голосом спросила Анна, передавая ему ключи.

— Чтобы ты не сбежала, пока я не решу, что с тобой делать. — Он сунул ключи и ее паспорт в карман своих темных брюк. Движения его были экономными, лишёнными суеты. — Теперь выходи. Медленно.

Она открыла дверь и вышла на прохладный ночной воздух. Он последовал за ней, придерживая рану. Даже раненый, он двигался с грацией крупного хищника — плавно, уверенно, занимая все пространство вокруг себя.

В дом, — кивнул он в сторону темного входа, и его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по окружающей темноте.

Дверь была не заперта. Она скрипнула, открываясь в черную, пахнущую пылью и затхлостью пустоту. Анна замерла на пороге.

— Войди, — его бархатный бас прозвучал у нее за спиной, не оставляя места для неповиновения.

— Там темно. Я боюсь темноты!

- Больше чем меня? — усмехнулся он.

Он протянул ей свой телефон с включенным фонариком.

— Освещай.

Она взяла телефон дрожащей рукой и направила луч внутрь. Они оказались в просторной, пустой гостиной. На полу лежали разбросанные листы бумаги, в углу валялся перевернутый стул.

— Закрой дверь, — приказал он, прислонившись к косяку. Его лицо исказила гримаса боли, но он подавил ее.

Анна закрыла дверь, и тьма снова сгустилась вокруг. Она услышала, как он медленно, с тяжелым вздохом, сполз по стене на пол.

— Ты истекаешь кровью, — снова сказала она, и ее голос прозвучал чуть тверже.

— Молчи, — прошипел он, запрокинув голову на стену. — Просто... сиди.

Анна медленно опустилась на пол в нескольких метрах от него, все еще направляя свет на него.

Имя прозвучало как выстрел в тишине заброшенного дома. Нико. Теперь у этого незнакомца, этого красавца-кошмара, было имя. И это знание делало его одновременно более реальным и в тысячу раз более опасным.

Слово «Нико» еще висело в воздухе, когда его глаза закатились, и он рухнул на бок, как подкошенный. Звук его тела, ударившегося о пыльный пол, отозвался в тишине пустого дома глухим стуком.

Анна оцепенела на секунду, сердце замерло. Потом сработал не страх, а холодная, ясная решимость. Она рванулась с места, бережные складки бирюзового платья взметнулись вокруг нее.

— Эй! Держись!

Она наклонилась над ним, трясая за плечо. Никакой реакции. Его лицо было мертвенно-бледным. Шелк ее платья коснулся окровавленной рубашки.

«Шок. Потеря крови. Счет на минуты».

Ее действия стали точными и выверенными. Взгляд упал на пистолет, все еще зажатый в его ослабевшей руке. Без тени сомнения ее пальцы обхватили рукоять. Она привычным движением сняла оружие с предохранителя, проверила патрон в патроннике и, убедившись в его исправности, плавно передернула затвор. Стрельбу ей когда-то ставил отец, отставной военный, и эти уроки она не забыла. Пистолет лег в ее руку как родной, став не угрозой, а инструментом выживания. Она заткнула его за пояс на спине.

Потом ее пальцы быстро обыскали его карманы. Ключи от «Мустанга», ее паспорт. Сунула их в карман платья.

Осторожно, стараясь не причинить больше боли, она приподняла его окровавленную рубашку. Под ней зияла небольшая, но глубокая рана. Пулевое. *«Нужен хирург, а у меня только аптечка из супермаркета».*

Она осмотрелась. В углу валялось старое, пыльное одеяло. Она расстелила его на полу и, собрав все силы, перекатила бесчувственное тело Нико на импровизированные носилки. Он был тяжелым, мускулистым.

«Аптечка!»— вспомнила она. В машине. Выскочив на улицу, она рывком открыла багажник «Мустанга». Там лежала ее спортивная сумка и зеленая армейская аптечка, купленная когда-то «на всякий случай». Этот случай настал.

Вернувшись в дом, она действовала на автомате: антисептик, марлевые салфетки, давящая повязка. Кровь удалось немного остановить, но он был холодным и липким. Края ее красивого платья были испачканы пылью и алыми пятнами.

И тут ее накрыло. Что делать? Вызвать полицию? Скорую? Его люди? Его враги?

Она посмотрела на его лицо, теперь безмятежное и беззащитное. Бросить его? Уехать? И его смерть легла бы на ее совесть.

«Черт. Черт, черт, черт».

Решение пришло не от разума, а от чего-то глубокого внутри. Она не могла уйти.

Она сходила к машине, открыла багажник и быстро переделась в практичные шорты, майку и кеды, скинув испачканное платье. Пистолет надежно упрятала за пояс. Холодный металл был не угрозой, а гарантией.

В машине нашлась бутылка воды, пачка орехов и шоколадный батончик. С собой в сумке было яблоко. Негусто. Она принесла все в дом.

Уже светало. Первые лучи солнца пробивались через пыльные окна. Анна села на пол в паре метров от Нико, прислонившись спиной к стене. Она не сводила с него глаз, следя за медленным подъемом и опусканием его груди. Вес пистолета за спиной был не обузой, а напоминанием о том, что контроль теперь в ее руках.

Она сидела и ждала. Ждала, когда этот красавец-кошмар откроет глаза. И гадала, что он сделает первым делом, когда это произойдет. Скажет «спасибо»? Или попытается наброситься? Но теперь у нее был козырь. И она была готова его разыграть.

Глава 10. Ангел-хранитель с пистолетом

Глава 10. Ангел-хранитель с пистолетом

Сознание возвращалось к Нико медленно, сквозь густой тупой боли в животе и оглушительную слабость. Первым, что он увидел, разлепив веки, был луч пыльного солнца из окна. Вторым — ее.

Она сидела на полу неподалеку, прислонившись к стене, и смотрела на него. Ее каштановые волосы были собраны в небрежный пучок, на лице — следы усталости, но взгляд... взгляд был спокоен и неотрывно следил за ним.

Он попытался пошевелиться, и жгучий спазм в животе заставил его тихо застонать. Голос был хриплым, едва слышным.

— Ты... мой ангел? Я умер?

Уголки ее губ дрогнули в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку. Но в глазах не было ни ангельской нежности, ни страха.

— Ангелы редко носят «Глоки» за поясом и меняют окровавленные повязки. А ты, судя по тому, как ты стонешь, — живее всех живых. К сожалению.

Она поднялась и подошла к нему, присев на корточки. Взяла бутылку с водой, приоткрыла ему рот и осторожно дала сделать несколько глотков. Движения ее были профессиональными, без лишней суеты.

— Пей медленно.

Потом она взяла аптечку и принялась за работу: сняла старую, пропитанную сукровицей повязку. Лицо ее стало сосредоточенным. Он смотрел, как ее пальцы, уверенные и аккуратные, очищают края раны, наносят новую мазь.

— Что последнее ты помнишь? — спросила она, не отрываясь от дела.

Нико закрыл глаза, пытаясь собрать мысли в кучу. В голове всплыли обрывки: погоня, выстрелы, темные переулки, жгучая боль и отчаянная мысль, что нужно куда-то деться...

— Погоня... — прохрипел он. — Двое в черном... Я вел их от города... Потом... удар, как будто меня пнули. Я увидел твою машину... Она была... очень кстати.

Он открыл глаза и посмотрел на нее с новым интересом.

— А что ты помнишь? Как ты оказалась здесь, в этом... раю?

— О, знаешь, — ее голос зазвучал сладко-ядовито, — стандартный вечер: пляжная вечеринка, музыка, а потом ко мне в бок утыкается ствол с предложением прокатиться. Я не смогла отказать такому галантному приглашению.

Он хмыкнул, и это вызвало новый приступ боли. Он скривился.

— Извини. Мой этикет... хромает в последнее время.

— Ничего, — парировала она, закрепляя свежую повязку. — У меня тоже не сахар. Я могла бы просто уехать и оставить тебя истекать кровью на полу. Но, видимо, у меня неправильно настроена интуиция выживания. Она включает странную потребность спасти тех, кто меня похищает.

— Героический комплекс? — предположил он, и в его темных глазах мелькнула искорка.

— Скорее, боязнь призраков, — ответила она, убирая аптечку. — Мне показалось, что твой призрак будет очень назойливым. И уж точно не таким молчаливым, как ты сейчас.

Она снова села рядом, на пол, подтянув колени к груди. Тишина повисла между ними, но теперь она была другой — не враждебной, а насыщенной невысказанным. Он изучал ее лицо, а она позволяла это делать.

— Спасибо, — наконец произнес он тихо. И в этом слове не было ни бархатного обаяния, ни угрозы. Только усталая, неприкрытая искренность.

Анна кивнула, принимая благодарность как должное.

— Не стоит. Просто в следующий раз, когда захочешь познакомиться с девушкой, попробуй просто предложить ей выпить. Срабатывает лучше, чем пистолет.

Уголок его рта дрогнул.

— Запомню. А пока... что нам делать с этим? — он кивнул в сторону запертой двери и всего мира за ее пределами.

— Пока — ничего, — сказала Анна, и ее взгляд снова стал твердым и решительным. — Ты никуда не годен. А я...я еще не решила, что делать с тобой. Так что лежи и копи силы. Нам еще предстоит серьезный разговор, Нико.

Он смотрел на нее, эту незнакомку, которая спасла ему жизнь, держала его в плену и говорила с ним так, будто они старые знакомые, встретившиеся в странных обстоятельствах. И впервые за долгое время он почувствовал не контроль над ситуацией, а странное, тревожное облегчение от того, что контроль находится в таких уверенных руках.

— Как прикажешь, — тихо сказал он, закрывая глаза, и на его лице застыла тень улыбки.

Он снова отключился, его дыхание выровнялось, но оставалось тяжелым. Анна наблюдала за ним несколько минут. Аптечка была почти пуста. Решение пришло быстро.

Она села в «Мустанг» и рванула в ближайший поселок. Ее визит в магазин был молниеносным: вода, еда, бинты, антибиотики и... она сглотнула, глядя на витрину... стерильный шовный материал. Иглы, нитки. «Господи, во что я ввязалась».

Сердце бешено колотилось, когда она возвращалась. Припарковавшись, она вошла в дом с пакетами в одной руке, другой придерживая пистолет за поясом.

Тишина. Его не было на одеяле.

— Нико? — ее голос прозвучал громко. Никакого ответа. — Нико! — она уже кричала, бросая пакеты и выхватывая пистолет. Она металась по пустым комнатам, ледяной страх сжимая горло.

И тут сзади раздался тихий бас:

— А ты бесстрашная. Вернулась.

Анна резко развернулась. Пистолет был уже в ее вытянутой руке, мушка направлена прямо в него. Он стоял, прислонившись к косяку, бледный, но с ухмылкой.

Он медленно поднял руки.

— Вот это реакция. Да ты не ангел, а чертовка. Мне нравится.

— Я могла бы выстрелить, — холодно сказала она.

— Но не выстрелила же, — он покачал головой. — Ты не из тех, кто стреляет в безоружного раненого.

Они смотрели друг на друга через несколько метров коридора — она с оружием, он, едва стоящий на ногах.

— Я купила нитки и иголку, — наконец сказала она, опуская пистолет. — Похоже, тебе нужно зашивать рану.

Его ухмылка мгновенно сменилась гримасой ужаса.

— Ты шутишь? Ты? Будешь меня шить?

— А у тебя есть варианты? — парировала она, подбирая пакеты. — Может, позвать твоих друзей в черном? Или местного парикмахера?

Он провел рукой по лицу.

— Ты с ума сошла.

— Нет, — ее голос звучал устало, но твердо. — Я практична. Твое пулевое ранение не заживет само. Инфекция убьет тебя медленно и мучительно. Так что выбирай: быстрая процедура от «чертовки» или медленная смерть в одиночестве. Решай.

Она повернулась к нему спиной, демонстративно показывая, что разговор окончен. Но каждый нерв в ее теле был натянут. Она слышала его тяжелое дыхание. Он решал. Ее судьбу. И свою.

— Начинаю, — сказала Анна, и в ее голосе не было ни капли сочувствия, только сосредоточенная решимость. В руках она держала импровизированный хирургический набор: продезинфицированную иглу и прочную нить из той самой аптечки, а также небольшой аэрозольный баллончик с местным анестетиком, купленный когда-то для походов. — Это не лидокаин в чистом виде, но должно немного притупить.

Нико, лежа на расстеленном на полу одеяле, лишь кивнул, стиснув зубы. Его взгляд был прикован к потолку, по которому ползла трещина, похожая на реку на старинной карте.

— Прекрасный вид для последних мгновений, — процедил он сквозь зубы.

Анна распылила аэрозоль на края раны. Он вздрогнул от холода, но не издал ни звука.

— Хладнокровно, — заметила она, готовя иглу.

— Учусь у лучших, — парировал он.

Первый прокол заставил его все тело напрячься, как тетиву лука. Мышцы на животе вздулись каменными буграми. Анна работала быстро, точно, ее движения были выверенными, будто она делала это не впервые. Возможно, сказывались годы собственного шитья и бесчисленные уроки от отца по обращению с «разным железом», как он говорил.

— Ты... умеешь это делать, — скрипящим голосом констатировал Нико, не глядя на нее.

— Я умею много чего, — ответила она, завязывая узел. — Например, не задавать лишних вопросов, когда мне угрожают пистолетом.

— Справедливо.

Он попытался шутить, но голос срывался. После четвертого стежка его дыхание стало прерывистым, а веки тяжелыми. Анестетик, смешиваясь с шоком и потерей крови, делал свое дело.

— Знаешь, Анна... — его голос стал тише, слова слипались. — Ты рисуешь... на мне... самый уродливый шрам... в моей жизни...

— Потерпи, Пикассо, — бросила она, не отрываясь от работы. — Еще пара штрихов, и готов твой личный шедевр под названием «Не суйся под пули».

Ответа не последовало. Она взглянула на его лицо. Он был без сознания, его черты наконец-то расслабились, утратив хищную напряженность. В этом невольном покое он снова выглядел просто невероятно красивым мужчиной, а не угрозой. Анна закончила работу, наложила свежую повязку и откинулась на пятки, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Адреналин отступил, оставив после себя пустоту и оглушающее осознание абсурда: она, Анна Воронова, юрист из Москвы, только что зашила пулевую рану похитителю в заброшенном доме в Португалии.

Ей нужно было отвлечься. Она осторожно поднялась и, бросив последний взгляд на спящего Нико, вышла из комнаты, решив исследовать свое временное убежище.

Дом был небольшим, но когда-то, должно быть, полным очарования и уюта. В главной комнате еще сохранились следы былой жизни: след от большой картины на выцветших обоях, пыльное место на полу, где когда-то стоял диван. Она поднялась по узкой лестнице на второй этаж. Там было три комнаты. Две пустые, а в третьей... Анна замерла на пороге.

В лучах солнца, пробивавшихся сквозь пыльные ставни, стоял мольберт. Рядом — стопка холстов, прислоненных к стене, тюбики с красками, баночки с кистями, некоторые совершенно новые, другие — с пожелтевшими, засохшими на концах ворсинками. Сердце Анны екнуло. Она подошла ближе, смахнула белую ткань, накрывавшую верхний холст.

И ахнула.

Под тканью открылся мир цвета и света. Это был вид на тот самый дом, но в его лучшие дни. Ярко-синие ставни, ослепительно белые стены, бугенвиллии, взрывающиеся фейерверком фуксии и оранжевого вокруг крыльца. Солнце на картине было почти осязаемым, теплым. Это была не фотография, а чувство. Чувство дома, покоя, счастья. На других холстах были пейзажи окрестностей: оливковая роща в серебристом свете, тот самый пустой бассейн во дворе, наполненный в картине бирюзовой водой, в которой отражалось небо. Кто-то очень талантливый и влюбленный в это место когда-то здесь творил.

Что-то щелкнуло внутри Анны. Годами она подавляла это желание — взять в руки кисть. В детстве она обожала рисовать, но прагматичные родители, а затем и Сергей, убедили ее, что это «несерьезно». Краски и мольберт были похоронены под грузом «настоящей» жизни.

Теперь же, в этом абсурдном плену, запрет рухнул. Она взяла чистый холст, несколько тюбиков с еще пригодными красками, горсть кистей и спустилась вниз.

Она вышла на задний двор, и ее снова ждало открытие. Заросший, но все еще прекрасный сад. Дикие, но от этого еще более пышные розы карабкались по каменным стенам, лаванда и шалфей образовали фиолетово-синие островки, а в центре, как заброшенная жемчужина, лежал пустой бассейн из голубой плитки. Ржавые, но все еще элегантные шезлонги стояли под раскидистым оливковым деревом.

Анна установила мольберт в тени дерева, рядом с одним из шезлонгов. И начала рисовать. Сначала неуверенно, потом все смелее. Она писала то, что видела: дикую красоту заброшенного сада, игру света и тени на стене дома, одинокий, величественный кипарис на горизонте. Она не думала о Нико, о прошлом, о будущем. Существовали только солнце на коже, запах нагретой хвои и краски, и волшебное превращение белого холста в кусочек мира.

Нико пришел в себя от тишины. Непривычной, глубокой тишины, без привычного шороха ее шагов или стука посуды. Инстинкт сжал его — сбежала. Но нет, его пистолет все еще лежал на видном месте, где она его оставила после перевязки. Значит, здесь.

Он поднялся, опираясь на стены, и начал искать. На кухне пусто. В гостиной тоже. И тогда он услышал едва уловимый скрежет — звук кисти по зернистой поверхности холста. Он подошел к окну, выходящему во внутренний двор, и замер.

Анна сидела в тени оливкового дерева, полностью погруженная в процесс. Солнечные зайчики играли в ее рассыпавшихся по плечам волосах, одна непокорная прядь спадала на лицо, и она время от времени отбрасывала ее назад движением кисти, оставляя на щеке легкий мазок ультрамарина. Ее лицо, обычно собранное и настороженное, было расслабленным, одухотворенным. Она что-то бормотала себе под нос, смеялась тихо, когда мазок ложился именно так, как надо. Она была не пленницей и не спасительницей. Она была художницей. И в этом была такая уязвимая, такая мощная красота, что у него перехватило дыхание.

Он наблюдал, как ее рука движется уверенными, широкими мазками, заполняя холст цветом, который она вылавливала из тюбиков и смешивала на импровизированной палитре — крышке от старой кастрюли. Она писала его заброшенный рай таким, каким он когда-то был, или каким она его сейчас видела. Он не знал. Но знал, что не видел ничего прекраснее за долгие годы.

Нико стоял у окна, не в силах пошевелиться. Вид Анны, полностью погруженной в рисование, вызвал в его памяти давно забытый образ, такой ясный, что у него защемило в груди.

Перед его внутренним взором возникла солнечная комната, залитая светом, совсем не такая, как сейчас. Там, у этого самого большого окна (тогда оно было чистым и открывалось в сад), сидела его мать. Её темные волосы были собраны в небрежный узел, на лбу — такая же сосредоточенная складка, как сейчас у Анны. Она рисовала. Часами. А он, маленький Нико, сидел на полу, поджав ноги, и просто наблюдал. Он наблюдал, как белый холст под её кистью оживает, как рождаются горы и море, как на стене дома в её картинах всегда горел уютный свет в окнах. В те моменты в доме царил покой. Пахло красками, кофе и счастьем. Он был счастлив. Это была его тихая, личная вселенная, где не было места громким голосам, страхам и теням, которые приходили позже, забрав с собой и свет, и краски, и её.

И вот теперь, спустя многие годы, в этом же доме, в этом же саду, свет вернулся. Не в окнах, а в женщине у мольберта. Та же сосредоточенная грация, тот же волшебный жест, когда кисть касается холста, словно высвобождая цвет, спрятанный внутри. Та же непокорная прядь волос. Его сердце, привыкшее к холодному расчету и постоянной опасности, сжалось от боли, острой и сладкой одновременно. Это было похоже на удар прикладом по старым ранам.

Анна увидела его отражение в большом, пыльном стекле заброшенной летней кухни, превращенной когда-то в оранжерею. Она не обернулась, не изменила ритма. Лишь голос ее прозвучал четко, ровно, без тени испуга, но с фирменной дерзостью:

— Надеюсь, ты оцениваешь не только мой талант импровизированного хирурга, но и соблюдаешь дистанцию, предписанную для созерцания шедевров. Вход для критиков и незваных гостей — строго по билетам. А билеты, — она на мгновение оторвалась от холста, чтобы встретиться с его отражением в стекле, — продаются за хорошее поведение и полное отсутствие пистолетов в радиусе десяти метров.

Её слова вернули его в настоящее. Он медленно вышел из тени комнаты на порог, опираясь на косяк. Солнце ударило ему в глаза. Он молчал несколько секунд, его взгляд блуждал между её фигурой и холстом, где уже угадывался образ запущенного, но всё ещё прекрасного сада.

— Билет, — наконец сказал он, и его бархатный голос был тише обычного, лишенным привычной насмешливой нотки. — У меня, кажется, только один подходящий товар для обмена. И он не очень хорош.

— Что же это? — спросила Анна, всё ещё не оборачиваясь, но её плечи слегка напряглись.

— Тишина, — произнес он. — Я могу предложить тишину. Чтобы не мешать. И... — он сделал паузу, подбирая слова. — Чтобы запомнить этот вид. Он стоит того.

Анна на мгновение замерла с кистью в воздухе. Его тон был странным. Не таким, как всегда. В нём звучала какая-то неподдельная, сырая нота. Она рискнула бросить быстрый взгляд через плечо. Он стоял, подставив лицо солнцу, и смотрел не на неё, а куда-то сквозь неё, в прошлое, которое она не знала. И в этот момент он не выглядел опасным. Он выглядел... потерянным.

— Тишина принимается, — наконец сказала она, возвращаясь к холсту. — Но только если она не зловещая. И без подтекстов.

— Без подтекстов, — тихо согласился он. — Обещаю.

Он остался стоять там, на пороге, прислонившись к стене, и просто смотрел. Смотрел, как её кисть танцует, как солнце золотит её кожу, как сад на холсте оживает под её пальцами. И в его душе, закованной в броню из стали и цинизма, что-то давно замершее и похороненное сделало тихий, тревожный вздох. Это было опаснее любой пули. Потому что напоминало о доме. О том, каким он мог бы быть. И о том, что эта женщина с кистью, случайно ворвавшаяся в его ад, принесла с собой обрывки того самого, давно утраченного света.

Глава 11. Оживший дом

Глава 11. Оживший дом

Анна поймала себя на мысли, что именно так хочет жить. Здесь. В тишине, нарушаемой только ветром в оливковых деревьях и криком чаек. С кистью в руке и запахом масляных красок, смешанным с ароматом моря и нагретой на солнце хвои. Этот заброшенный дом, этот сад, даже этот пустой бассейн казались теперь не тюрьмой, а странным, искажённым воплощением мечты. Не хватало только... золотистого комка шерсти у ног, доверчиво положившего морду на её тапочки. Или даже двух. Эта мысль заставила её улыбнуться.

И тут же, словно тень от внезапно набежавшей тучи, в идиллическую картинку вписался он. Нико. Не как угроза, а как молчаливая, неотъемлемая часть этого нового пейзажа. Представить его мирно спящим на том же шезлонге было уже не так трудно, как ещё вчера. От этой мысли ей стало одновременно тепло и страшно. Она резко оборвала полёт фантазии, мысленно себя отчитав: *«Очнись, Анна. Это не твоя жизнь. Это случайный, опасный антракт»*.

Звонок телефона вернул её в реальность. Лена. Анна встала, отряхнула руки о старые джинсы и ответила, отойдя подальше от дома.

— Всё в порядке, Лен, правда. Я скоро буду. Возможно, даже не одна, — она бросила взгляд на дом, где в окне мелькнула тень. — Да, с тем самым «осложнением». Нет, он не маньяк. Сложно объяснить... Да, жива и здорова. Целую. Не грусти.

Она положила трубку, чувствуя, как за спиной нарастает молчаливое напряжение. Обернувшись, она увидела Нико. Он стоял в дверях, опираясь на косяк, и смотрел на неё. Его лицо было непроницаемой маской, но в глубоко посаженных глазах бушевала буря.

— Кто это? — его голос прозвучал низко, почти без интонации. — Твой муж? Парень? Анна засмеялась. Звук получился немного нервным, но искренним.

— О, если бы! Серёжа? Он сейчас, наверное, считает убытки от моего побега в пересчёте на квадратные метры нашей бывшей квартиры. Нет, Нико. Это была Лена. Та самая, чью идеальную вечеринку ты так бесцеремонно испортил.

Он не ответил сразу, его взгляд изучал её лицо, будто пытаясь найти скрытый смысл.

— И что сказала твоя Лена? Призывала бежать от чудовища? Звонить в полицию?

— Она сказала, что я ей нужна живая и счастливая, — отрезала Анна, переходя на его язык прямых формулировок. — И что, если чудовище сделает мне больно, она найдёт его и, цитирую, «отправит на корм тем самым крабам, которых мы ели в Алгарве».

Уголок его рта дёрнулся в почти что улыбке.

— Решительная подруга. Мне она начинает нравиться.

— А тебе необязательно нравиться моим друзьям, — парировала Анна, скрестив руки на груди. — Твоя задача — не истечь кровью и как можно скорее перестать быть моей проблемой.

— Насчёт этого... — он сделал шаг вперёд, и солнце окончательно осветило его лицо. На нём не было и тени прежней надменности, только усталость и какая-то странная, новая серьёзность. — Я хочу сделать тебе предложение. Не то, о котором ты, наверное, подумала.

— Звучит зловеще, — бросила Анна, но её любопытство было задето.

— Этот дом, — он обвёл рукой пространство вокруг — сад, стены, крышу. — Он когда-то был... домом. Настоящим. Пахнувшим красками и счастьем. Потом всё закончилось. Он умер. Как и многое во мне.

Он помолчал, глядя куда-то сквозь неё, в прошлое.

— А теперь ты здесь. И с твоим появлением, с этими красками... он снова начал дышать. Я вижу это.

— Что ты предлагаешь? — спросила Анна осторожно.

— Останься здесь, — сказал он просто. — Не как пленница. Как хозяйка. Я приведу дом в порядок. Восстановлю всё, что сломалось. Наполню бассейн водой. Посажу в саду те цветы, которые ты захочешь. А ты... ты будешь жить здесь. Рисовать. Найдёшь себе того ретривера. Или двух. Будешь счастлива.

Анна смотрела на него, полностью ошеломлённая.

— А ты? — тихо спросила она.

— Я буду знать, что это место снова живёт, — ответил он, и в его голосе прозвучала неприкрытая, почти болезненная нежность. — Что в нём есть свет. И что этот свет в безопасности. Я буду... навещать. Время от времени. Только если ты позволишь. Чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке. Что ты счастлива.

Он говорил не как собственник, предлагающий содержать женщину в золотой клетке. Он говорил как человек, который нашел нечто бесценное и хотел защитить это, даже если это означало отдать это кому-то другому. Даже если этим «кем-то» была она.

— Это самый безумный и самый... щедрый подарок, который мне кто-либо предлагал, — наконец выдохнула Анна. — Но почему? Почему мне? Ты почти не знаешь меня.

— Я знаю достаточно, — он медленно покачал головой. — Я знаю, что ты вернула этому месту душу. И что, глядя на тебя здесь, я впервые за много лет чувствую не злость или тоску, а... покой. Мне этого достаточно. Мне достаточно просто знать, что это место, этот кусочек моего прошлого, теперь принадлежит тебе. Что он стал чем-то хорошим.

Анна молчала, её взгляд блуждал по саду, по дому, по его лицу. Это был не просто дом. Это была возможность. Возможность той самой жизни, о которой она мечтала, но не смела надеяться. И ключ от этой возможности держал в руках самый опасный и самый искренний человек, которого она встречала.

— А если я скажу «нет»? — спросила она, почти шёпотом.

— Тогда я отвезу тебя куда скажешь, верну твой паспорт и исчезну из твоей жизни, — ответил он без колебаний. — И буду надеяться, что где-то там ты нашла свой свет. Но дом... дом так и останется пустым.

Он не давил. Он предлагал. И в этой свободе выбора была такая мощная сила, что у Анны закружилась голова.

— Мне нужно подумать, — сказала она, и её голос дрогнул.

— У тебя есть всё время мира, — тихо ответил Нико. — Я никуда не тороплюсь.

Он развернулся и, слегка прихрамывая, пошёл обратно в дом, оставив её одну под палящим солнцем с бьющимся, как птица в клетке, сердцем и с решением, которое было страшнее и прекраснее всего, с чем она сталкивалась в жизни.

Прошло несколько часов с того разговора. Вечер застал их на кухне — вернее, в том, что от неё осталось. Анна пыталась соорудить ужин из остатков припасов: хрустящий хлеб пао, оливковое масло, кусок выдержанного овечьего сыра Serra da Estrela и несколько оливок. Нико наблюдал за её движениями, прислонившись к дверному косяку.

— Знаешь, — начала она, не оборачиваясь, ломая хлеб с непривычной для таких простых действий грацией, — твоё предложение о доме... оно пахнет бегством от ответственности. Свою крепость отреставрировал — и с чувством выполненного долга можешь исчезнуть. Удобно.

— А твоё молчание в течение трёх часов, пока ты резала сыр, — парировал он, — пахнет страхом. Не передо мной. Перед тем, что предложение может оказаться настоящим. А ты научилась верить в настоящие вещи.

Она резко обернулась, в руке блеснул нож.

— Я верю в факты. Факт: ты — человек из мира, где стреляют. Факт: этот дом — часть твоего прошлого, о котором ты не говоришь. Факт: я была бы идиоткой, чтобы принять такую «щедрость», не зная, какие тени за ней стоят.

— Справедливо, — кивнул он, и в его глазах мелькнуло одобрение. — Значит, нужны факты. Хочешь один из них? Самый главный.

Он выпрямился, отодвигаясь от косяка.

— Пойдём. Покажу тебе то, чего не видел никто, кроме меня. И... одной женщины, которая давно ушла.

Любопытство пересилило осторожность. Анна отложила нож и, вытирая руки о джинсы, кивнула.

Он повёл её не через сад, а вглубь дома, в подвал, который она обходила стороной. В дальнем углу, за грудями хлама, была едва заметная дверь, словно встроенная в каменную кладку. Нико нажал на несколько камней в определённом порядке — тихий щелчок, и дверь отъехала в сторону, открывая узкий, вырубленный в скале проход.

— Будь осторожна, ступени крутые, — предупредил он, зажигая фонарик на телефоне.

Они спустились вниз по влажным, покрытым мхом ступеням. Воздух стал прохладным и солёным. И вдруг проход закончился, открывшись в небольшой грот. Анна замерла.

Это было самое красивое, самое потаённое место, которое она могла себе представить. Грот, одна сторона которого была естественным арочным входом, скрытым снаружи свисающими до самой воды скалами и зарослями. Внутри — гладкий каменный пол, как будто его столетиями полировали волны. С потолка свисали сталактиты, отражаясь в чистой, спокойной воде небольшого подземного озера, соединённого с морем узким каналом. Лунный свет, преломляясь через воду, наполнял грот призрачным, бирюзовым сиянием. Здесь стояла тишина — не глухая, а живая, наполненная тихим плеском воды и далёким рокотом океана.

— Боже... — выдохнула Анна.

— Моя крепость, — тихо сказал Нико, садясь на выступ у воды. — Здесь я прятался. От всего.

Она села рядом, не в силах оторвать взгляд от волшебного света.

— От чего?

Он долго молчал, глядя на воду.

— От отца. Он был... не бизнесменом, как я говорю обычно. Он был бандитом. Старой, жестокой закалки. Дом наверху, синие ставни, краски матери... всё это было фасадом. Приличной жизнью для его приличной семьи. А ночью приходил другой человек. Тот, кто мог поднять руку на мать за недосоленный суп. И на сына — за слишком громкое дыхание.

Его голос был ровным, безжалостным, будто он читал чужие показания.

— Когда начинался крик, я убегал сюда. Через этот проход. Иногда на всю ночь. Здесь было безопасно. Здесь он не мог найти. Здесь было только море, тишина и... надежда, что когда-нибудь всё кончится. Она умерла, когда мне было пятнадцать. Не от его рук. От болезни. Но я всегда считал, что от него — от страха, от тоски. А потом я убежал по-настоящему. И стал тем, кем стал. Чтобы никогда больше не бояться. Чтобы иметь силу.

Анна слушала, не шелохнувшись. Её собственные обиды и страхи вдруг показались мелкими, детскими. Перед ней был человек, выросший в настоящем аду.

— А дом? — тихо спросила она.

— Я отвоевал его. Уже потом. Когда стал сильнее его. Выкупил, выгнал из него всех теней. Но вернуть жизнь... не смог. До сегодняшнего дня.

Он повернулся к ней, и в призрачном свете его лицо было удивительно молодым и беззащитным.

— Вот факты, Анна. Грязные, некрасивые. Ты права — за этим домом стоят тени. И я — самая большая из них. Мое предложение... это не щедрость. Это эгоизм. Я хочу, чтобы ты осталась и своим светом прогнала их окончательно. Чтобы у этого места был шанс. И у меня... возможно, тоже.

Они сидели так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло. Колкости и защитные барьеры растаяли в волшебном свете грота. Она видела в нём не похитителя, не бандита, а того самого испуганного мальчика, который искал спасения у моря. И того мужчину, который, несмотря на всё, сохранил в душе это тайное, прекрасное место.

— Ты не тень, — сказала она так тихо, что это почти потонуло в плеске воды. — Тот мальчик, который убежал сюда... он не стал тенью. Он создал это. Сохранил его. И привёл сюда меня.

Он смотрел на неё, и в его тёмных глазах, всегда таких нечитаемых, теперь бушевало что-то совершенно новое — обнажённая надежда, боль и то самое желание, которое они оба так старательно прятали за острыми словами.

Он медленно, давая ей время отстраниться, поднял руку и провёл тыльной стороной пальцев по её щеке. Прикосновение было таким же лёгким и прохладным, как морская пена.

— Анна... — прошептал он, и её имя в его устах прозвучало как молитва и как признание.

Она не отстранилась. Она наклонилась навстречу. Их губы встретились не в порыве страсти, а с осторожной, почти робкой нежностью, как будто боялись распугать хрупкое чудо, возникшее между ними в этой пещере. Это был поцелуй-открытие, поцелуй-признание. В нём не было ничего от их прежних игр. Была только щемящая правда.

Когда они наконец разомкнули губы, что-то внутри них обоих щёлкнуло, как щёлкает замок, открывая дверь, которую считали наглухо заваленной. Они смотрели друг на друга в бирюзовом полумраке, и мир вокруг преобразился.

— Знаешь, — голос Анны был слегка дрожащим, но в нём появилась новая, тёплая нота, — твоё тайное место... оно идеально для пикника. А у нас там наверху как раз есть хлеб, сыр и... кажется, я видела бутылку того самого лёгкого Vinho Verde.

Он рассмеялся, и это был чистый, свободный звук, который она слышала от него впервые.

— Ты невыносима. Только что был момент высокой драмы, а ты — о пикнике.

— Высокая драма требует подкрепления, — парировала она, уже вставая и протягивая ему руку. — А ещё... я думаю, мы оба заслужили этот бокал вина. И тишину. Без подтекстов.

Он взял её руку, и его пальцы сплелись с её пальцами — крепко, уверенно, без прежней неопределённости.

Они поднялись наверх, взяли простую еду и бутылку вина, и спустились обратно в грот. Сидели на камнях, макали хрустящий хлеб в золотистое оливковое масло, ели острый сыр и пили холодное, слегка игристое вино. Говорили мало. Слова теперь были не нужны. Свет луны на воде, вкус вина на губах, тепло его плеча рядом — этого было достаточно.

Это был вечер, когда стены окончательно рухнули. Не только у дома с синими ставнями, но и у двух одиноких крепостей по имени Анна и Нико. И на их месте что-то новое только начинало строиться. Что-то хрупкое, опасное и невероятно прекрасное.

Глава 12. Пять минут до тишины

Глава 12. Пять минут до тишины

Воздух в гроте всё ещё дрожал от отзвуков их тихого разговора и хруста хлеба. Бирюзовый свет луны на воде, вкус Vinho Verde на губах и тепло его плеча — всё это создавало иллюзию хрупкого, но реального мира, отгороженного от всего. Но рана на его животе, туго перетянутая свежими бинтами, напоминала, что за пределами этой пещеры существует другая реальность. Жестокая и безжалостная.

— Пора, — тихо сказала Анна, собирая пустые бутылки и остатки еды. Её голос в священной тишине грота звучал почти кощунственно громко. — Тебе нужен покой, а не сырость скал.

Нико, прислонившийся спиной к гладкому камню, лишь кивнул. Его лицо в отражённом свете воды казалось уставшим, но спокойным. Спокойным так, как не было с самого начала. Он протянул руку, и она, после секундного колебания, помогла ему подняться. Его пальцы сжали её ладонь — не потому что нуждался в опоре, а потому что могли.

Они молча поднялись по узкой лестнице, покидая убежище. На пороге, у скрытой двери в подвал, он остановился. Повернулся к ней.

— Дай мне пять минут, — сказал он. Его взгляд был серьёзен, без тени привычной насмешки. — Я... Мне нужно остаться здесь. Ещё на пять минут.

— Ты с ума сошёл? — Анна нахмурилась. — Тебе нельзя напрягаться. И вообще...

Он не дал ей договорить. Поднял её руку — ту самую, что только что держала кисть, а потом и бокал вина, — и прикоснулся губами к её костяшкам. Это был не рыцарский жест. Это было что-то более интимное, почти языческое. Благодарность, признание, клятва.

— Пять минут, — повторил он, и его бархатный голос прозвучал как просьба, а не приказ. — Я последую за тобой. Обещаю. А ты... подготовь всё наверху.

В его глазах стояло что-то, что заставило её проглотить возражения. Не просьба раненого мужчины, а твёрдая решимость человека, которому нужно проститься с чем-то. Или настроиться на что-то.

— Пять минут, — согласилась она, выдергивая руку, но не отводя взгляда. — Потом я спущусь и сама выволоку тебя за шиворот, если понадобится. И буду смеяться последней.

Уголок его губ дрогнул.

— На это я и рассчитываю.

Она развернулась и пошла по тёмному коридору подвала, чувствуя его взгляд у себя в спине. Сердце почему-то бешено колотилось — не от страха, а от чего-то нового, тёплого и пугающего одновременно.

В доме было темно и пусто. Тишина после вечного шума моря в гроте оглушала. Анна включила фонарик, взятый из «Мустанга», и принялась за работу. Она натянула чистое покрывало на матрас, оставшийся в самой дальней комнате, поставила рядом бутылку воды и аптечку. Действия были простыми, почти бытовыми, и в этой обыденности был странный уют. Она поправляла складки на покрывале, представляя, как он ляжет здесь, как закроет глаза, наконец позволив себе отдых.

За окном по-прежнему было тихо. Слишком тихо. Она подошла к окну, выходящему в сад, и прислушалась. Ни шороха, ни шагов. Пять минут, должно быть, уже прошли.

Беспокойство, холодной змейкой, начало скользить по спине. Она повернулась, чтобы спуститься вниз и выполнить свою угрозу.

И в этот момент услышала звук.

Не снизу, из подвала. А сверху. С чердака или из одной из дальних комнат. Глухой, сдавленный стук. Как будто что-то тяжёлое уронили на пол, застланный коврами.

Кровь застыла в жилах. *Нико всё ещё внизу.* Это не он.

Инстинкт кричал бежать, звать его. Она метнулась к двери, ведущей в коридор и к лестнице в подвал. Ей нужно было крикнуть, предупредить!

Из темноты столовой на неё стремительно вышли две тени. Двое мужчин в тёмной, бесформенной одежде, с балаклавами на лицах. В руках у одного — пистолет с глушителем, у другого — что-то вроде дубинки.

Время замедлилось. Анна увидела, как её собственная рука тянется к поясу, где нет пистолета — она оставила его внизу, с Нико. Увидела, как глаза незнакомцев холодно и быстро оценивают её.

Она открыла рот, чтобы издать крик, предупреждение, которое должно было пробиться сквозь полы и камень.

Не успела.

Из-за поворота, прямо у неё за спиной, вырос третий. Сильная, жилистая рука обхватила её сзади, грубо зажав рот ладонью, от которой пахло металлом и потом. Вторая рука с силой скрутила её запястья. Её оторвали от пола и прижали к стене, выбив воздух из лёгких.

— Тише, птичка, — прошипел голос у самого уха, низкий и спокойный, от чего стало ещё страшнее. — Ни звука. Твой рыцарь скоро придёт. Не хочешь же ты его спугнуть?

Сердце Анны колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку. Не от страха за себя. От леденящего ужаса за него. Он поднимется по лестнице, ничего не подозревая. Он войдёт в эту комнату, где они сейчас устроили засаду.

Слёзы ярости и бессилия застилали ей глаза. Она пыталась вырваться, но её держали мёртвой хваткой. Она видела, как первый из мужчин бесшумно занял позицию у двери в коридор, подняв оружие. Они не просто нашли дом.

Они устроили ловушку.

И она, своими пятью минутами тишины и приготовленным матрасом, заманила его прямо в неё.

Анна, зажатая в мертвой хватке, чувствовала, как страх кристаллизуется в холодную, ясную ярость. Её мозг, отточенный годами нахождения в стрессовых ситуациях в суде и в последние сумасшедшие дни, работал на пределе. Кричать бесполезно — ей тут же нанесут травму. Бороться в лоб — не выйдет, их трое. Нужен был сигнал. Простой. Который поймет только он.

Её взгляд упал на её собственные ноги. На её сандалии — простые кожаные, с деревянной подошвой. И на пол — старый, дубовый, покрытый пылью и следами их недавнего присутствия.

Стук.

Идея была рискованной, но это был шанс. Она перестала вырваться, сделала вид, что смирилась, обмякла в руках державшего её мужчины. Его хватка чуть ослабла — удовлетворившись её капитуляцией.

— Хорошая девочка, — прошипел он ей в ухо.

В этот момент она с силой ударила каблуком своего сандалия по полу. Не просто стук. А три отрывистых, быстрых удара, пауза, и ещё два. **Три-два.** Цифры дома его детства? Нет. Просто ритм. Отличный от всего, что могло произойти случайно. Ритм, который она отбивала пальцами по кружке с кофе утром, сидя напротив него. Он смотрел тогда на её руки.

Один из бандитов у двери обернулся, нахмурившись.

— Чего она дёргается?

— Ничего, — буркнул тот, что держал её. — Успокойся.

Анна замерла, сердце колотясь так громко, что ей казалось, его слышно по всему дому. *Услышал ли он?*

Нико застыл у подножия лестницы, ведущей из подвала в прихожую. Его рука уже лежала на рукоятке пистолета. Он слышал приглушённые голоса сверху. Чужие. И этот звук... этот странный, отрывистый стук. Три-два. Не скрип пола. Чёткий, намеренный удар.

Его глаза сузились. Это был не случайный звук. Это был знак. *Её*знак. Адреналин вытеснил остатки усталости и боли. Он знал план дома наизусть. Лестница наверх вела прямо в ловушку. Нужен был другой путь.

Бёгом, почти не чувствуя раны, он отступил назад, в гостиную, к большому окну, из которого они когда-то наблюдали за садом. Оно было заколочено, но старые ставки снаружи держались на ржавых петлях. С силой, от которой горячо дернулись свежие швы, он высадил ногой раму, вылез наружу и, цепляясь за шероховатую стену и водосток, за считанные секунды поднялся на уровень второго этажа. Там было окно в дальнюю, пустую спальню. Стекло разбилось под ударом приклада с глухим, но не таким громким, как он боялся, звоном.

Внизу бандиты, услышав звон разбитого стекла где-то наверху, зашевелились.

— Что это? Он на чердаке?

Державший Анну грубо толкнул её вперёд, к стулу посреди комнаты.

— Садись. И не двигайся. — Он с силой усадил её, а его напарник направил на неё ствол.

Дверь в комнату распахнулась, и вошёл третий, по-видимому, старший. Без балаклавы — широкое, покрытое шрамом лицо, холодные глаза.

— Ну что, красавица, — сказал он на ломаном английском. — Где твой мальчик? Мы знаем, он здесь.

Анна подняла на него взгляд. Страх уступил место ледящему презрению. Она медленно, нарочито спокойно, вытерла тыльной стороной ладони губу, которую ей зажали.

— *Отвали от меня*, — сказала она чётко и ясно по-русски.

Шрамованный мужчина не понял слов, но прекрасно понял интонацию. Его лицо исказила злоба. Он сделал резкий шаг вперёд и со всей силы ударил её по лицу раскрытой ладонью.

Звук удара был хлётким, оглушающим. Голова Анны дёрнулась в сторону, на губе выступила кровь. Но она не вскрикнула. Она медленно вернула голову в исходное положение и плюнула ему в ноги, снова глядя прямо в глаза. В её взгляде горел такой чистый, такой яростный вызов, что мужчина на секунду отступил.

— Сука! — заорал он.

Этот крик и был той последней каплей.

Раздался выстрел. Не из пистолета в комнате. Глухой, приглушённый, но смертоносный. Шрамованный мужчина вздрогнул, на его плече расплылось алое пятно. Он с ревом обернулся.

Нико стоял в дверях спальни на втором этаже, у самого обрыва лестницы, откуда открывался вид на гостиную внизу. Дым струился из ствола в его руке. Его лицо было бледным от боли и напряжения, но глаза горели абсолютно ледяным, безупречным бешенством. Он целился в того, кто ударил Анну.

Начался хаос. Оставшиеся двое бандитов открыли беспорядочную стрельбу вверх. Пули впивались в балки и стены, поднимая облака пыли и щепок. Нико отпрыгнул в укрытие, отвечая точными, экономными выстрелами. Один из бандитов внизу схватился за бок и рухнул.

Второй, тот, что изначально держал Анну, действовал хладнокровнее. Он не стал стрелять. Вместо этого он рванулся к Анне, схватил её со стула и грубо притянул к себе, приставив пистолет к её виску. Его движения были отточенными, профессиональными.

— Бросай оружие, Нико! — закричал он по-португальски, прячась за её телом. — Или твоя художница умрёт первой!

Нико замер в укрытии. Он видел, как Анна, бледная, с окровавленной губой, встретилась с ним взглядом. В её глазах не было мольбы. Была ясность. И расчёт.

В тот миг, когда внимание бандита было приковано к Нико, а ствол чуть отклонился от её виска, Анна сработала.

Она резко откинула голову назад, бьющейся затылком ему в нос. Одновременно её локоть со всей силы вонзился ему в солнечное сплетение. Он ахнул от неожиданной боли и шока, его хватка ослабла. Пистолет дрогнул в его руке.

Этого было достаточно. Сильным, отточенным движением — тем самым, которому её учил отец для самообороны, — она вывернула его запястье. Кость хрустнула, пистолет выпал из ослабевших пальцев и со звоном упал на пол.

Не тратя ни доли секунды, её взгляд метнулся к прикроватной тумбочке рядом. Там лежали ключи от «Мустанга», которые она бросила туда, придя с прогулки. Она рванулась вперёд, схватила ключи и, развернувшись на каблуках, швырнула их вверх по лестнице в сторону Нико.

— **Нико! Машина!**— крикнула она на том странном, полусловесном, полуинстинктивном языке, который рождается в моменты крайней опасности. И тут же, не дожидаясь, рванулась к нему сама.

Нико поймал ключи на лету. Его глаза встретились с её взглядом — на долю секунды, в которой был и восторг, и дикое облегчение, и приказ. Он кивнул, резким движением давая очередь в сторону раненого, но ещё опасного бандита, чтобы прикрыть её рывок.

— Беги! — рявкнул он, уже спускаясь по лестнице, хватая её за руку, когда она поравнялась с ним.

И они побежали. По пыльному коридору, мимо комнаты, где началась эта странная история, к чёрному ходу. Сзади гремели выстрелы и крики, но они уже были в другом измерении — измерении синхронного бега, переплетённых пальцев и единой цели: добраться до чёрного «Мустанга», ждущего в зарослях сада.

Дверь распахнулась, ворвалась ночь. Они влетели в машину. Нико завёл двигатель, и через секунду «Мустанг» с рёвом сорвался с места, оставляя позади дом, выстрелы и ещё одну главу в их безумном, смертельном танце. В салоне пахло порохом, кровью и свободой.

Глава 13. Ночной звонок

Глава 13. Ночной звонок

Черный «Мустанг» был их коконом, несущимся сквозь португальскую ночь, увозя от кошмара, но не от внутреннего урагана. Воздух в салоне был густым от невысказанного, а ее сердце стучало в такт оборотам мотора.

— Кто они, Нико? — ее голос прозвучал хрипло, нарушая гнетущую тишину. — Кто ты на самом деле? Я знаю тебя двое суток, и за это время в меня уже стреляли.

Он молчал секунду, слишком долгую.

— Тебе лучше не знать, Анна. Чем меньше ты знаешь, тем безопаснее для тебя, когда все это закончится.

— Когда? — ее голос сорвался. — Когда это закончится? Через неделю? Месяц? Или когда меня привезут в морг с пулей в спине?

Внезапно Нико резко свернул с трассы в узкий проезд между темных складов, выключил фары и заглушил двигатель. Гробовая тишина, нарушаемая лишь ее прерывистым дыханием. Он быстро осмотрелся через зеркала — погони не было.

Тогда он повернулся к ней. Лунный свет падал косо, и он резко взял ее за подбородок, повернув лицо к свету. На ее нижней губе, в уголке, темнела запекшаяся капля крови — след от удара, который она получила в заброшенном доме, когда бандиты вломались туда, пытаясь выйти на него. Рана, которая появилась из-за него.

Увидев кровь, Нико будто взорвался изнутри. Его лицо исказила ярость. Он с силой ударил кулаком по приборной панели, отчего все тело машины содрогнулось.

— Черт... — вырвалось у него хрипло, и в этом слове было столько ярости, боли и беспомощности, что Анна инстинктивно отпрянула. Его взгляд был прикован к той капле, будто она была символом всей несправедливости, в которую он ее втянул.

Он молча достал из бардачка салфетку, смочил ее водой и, все еще хмурый, аккуратно провел по ее губе, стирая кровь. Его пальцы дрожали.

— Ничего... — начала было Анна, но он резко прервал ее взглядом.

Он выбросил салфетку, завел машину и вырулил обратно на трассу.

Он свернул на съезд, заглушил двигатель на пустынной смотровой площадке с видом на спящий город. Повернулся к ней. Его глаза горели черным огнем.

— Хорошо, — это слово прозвучало как выдох. — Мой мир — это сделки. Власть. Деньги. И у всего этого есть цена. Те, кто были сегодня... конкуренты. Они решили, что я стал уязвим. Они ошиблись. Но я не ожидал... — он провел рукой по лицу. — Я не ожидал тебя. Ты попала под удар из-за моего импульса.

— И что теперь? — в ее голосе звучала горькая ирония. — Я стала твоей проблемой?

Он резко схватил ее за руку.

— Ты стала единственным светом за последние годы. Ты не проблема. Ты... дар. Невроятная, безумная случайность. И я готов на все, чтобы эта случайность никогда не заканчивалась.

— Остановись, — тихо сказала Анна. — Отвези меня в отель. К Лене. У нас завтра самолет.

Нико не ответил. Вместо этого он набрал номер.

— Марко. Встречаемся в Албуфейре. У старой гавани. Через двадцать минут. — Он отключился, не дожидаясь ответа, и тишина в салоне снова сгустилась.

— Албуфейра? — нервно рассмеялась Анна. — Это что, новая точка в нашем турне по криминальной Португалии? Я сказала, мне нужно к Лене!

Внезапно он резко свернул на обочину пустынной трассы и заглушил двигатель. Гробовая тишина, нарушаемая лишь ее прерывистым дыханием и стрекотом цикад за окном. Он повернулся к ней, и лунный свет выхватил из темноты его лицо — напряженное, с темными глазами, в которых бушевала буря.

— Анна, — его голос был низким и властным. — Ты должна довериться мне. Сейчас. Полностью.

Она хотела возразить, высказать все, что кипело внутри — страх, ярость, непонимание. Но под его пристальным взглядом слова застряли в горле. Она замолчала, чувствуя, как ее сердце колотится где-то в висках. Она сжала руки в кулаки, непроизвольно прикусив нижнюю губу, пытаясь взять себя в руки.

Нико следил за каждым ее движением. Его взгляд приковался к ее губам. В салоне повисло напряженное молчание, воздух стал густым и сладким, как мед. Он медленно, почти болезненно, провел пальцем по ее сжатым кулакам, заставляя их расслабиться, а затем мягко коснулся ее подбородка.

— Ты кусаешь губу, — прошептал он, и его бархатный голос звучал хрипло, сдерживая какую-то дикую, животную эмоцию. — Даже не представляешь, как я сейчас хочу ее поцеловать. Как хочу почувствовать ее вкус вместо крови и страха.

От его слов и прикосновения по ее коже пробежали мурашки. В груди все сжалось в тугую, сладкий комочек. Она резко отдернула голову, разрывая этот опасный гипноз.

— Нам надо ехать, — выдохнула она, отвернувшись и с силой открывая окно. Ночной воздух, напоенный ароматом моря и сосен, ворвался в салон, но не смог смыть напряжение. Она жадно вдыхала его, пытаясь очистить легкие и мысли от его присутствия, от его запаха, от его обещания.

Нико на секунду замер, его челюсть напряглась. Затем он резко кивнул, завел «Мустанг» и снова вырулил на трассу. Они ехали молча, но воздух между ними трепетал от невысказанного желания и гнева.

Когда они подъехали к набережной Албуфейры, ее поразила красота ночного города: белоснежные домики, подсвеченные огнями, темная гладь воды и лес мачт яхт, мелодично звенящих на легкой волне.

К ним бесшумно подкатил большой черный Range Rover. Из водительской двери вышел мужчина. Он был одет в белоснежные льняные брюки и голубую рубашку, расстегнутую на пару пуговиц. Одежда кричала о беззаботном отдыхе, но его осанка, холодный, оценивающий взгляд и аура контролируемой силы выдают в нем не туриста.

Это был Марко. Его светлые волосы были слегка растрепаны ночным бризом, а лицо с идеальными чертами казалось высеченным из мрамора в лунном свете. Он был красив ангельской, почти неестественной красотой, но в его глазах читался лед и опасность.

Нико вышел ему навстречу. Они обменялись коротким, почти незаметным кивком, понятым лишь им двоим.

— Проблема? — коротко спросил Марко, его голос был глубоким и спокойным.

— Решена. Временно, — ответил Нико. — Нам нужно забрать ее подругу и обеспечить им безопасный вылет.

Марко кивнул, и его ледяной взгляд скользнул по Анне, сидящей в машине. Он изучал ее без смущения, как изучал бы интересный, но сложный актив.

Анна сжалась. Ее мир сузился до хрустка ночного города, двух опасных мужчин и одного невысказанного признания, повисшего в воздухе между ней и Нико. Признания, которое пахло не только опасностью, но и запретной, всепоглощающей страстью.

Вместо того чтобы ехать сразу в отель, они пересели в просторный и тихий салон Range Rover. Марко был за рулем.

— Нужно сделать одну остановку, — коротко бросил Нико, отвечая на немой вопрос Анны. — Мы не можем появиться там в том, в чем есть.

Они свернули в район роскошных бутиков. Нико уверенно повел Анну в один из них, где их уже ждал консультант с подобранной заранее одеждой. Он указал Анне на примерочную с коротким белым платьем, лежащим на бархатном пуфе.

— Переодевайся. Быстро.

Анна хотела возразить, но что-то в его тоне заставило ее подчиниться. Зайдя в примерочную, она скинула испачканную пылью и адреналином одежду и надела платье. Оно было струящимся, коротким, с глубоким вырезом на спине и шелковой лентой-галстуком на шее. Она собрала свои темные кудри в небрежный пучок, позволив нескольким прядям выбиться и обрамить лицо. На высоких босоножках-шпильках с шелковыми завязками на щиколотке она выглядела одновременно невинно и вызывающе.

В этот момент дверь в примерочную бесшумно открылась. На пороге стоял Нико. Он уже переоделся в черные идеально сидящие брюки и белую рубашку, на нем были лоферы. Его запястье украшали часы «Filipp Patek», которые он как раз застегивал. Его горячий взгляд скользнул по ее отражению в зеркале, выискивая каждую деталь.

Не говоря ни слова, он подошел сзади. Его руки легли на ее обнаженные плечи, а губы прикоснулись к чувствительной коже у ключицы, затем переместились к шее. В зеркале их взгляды встретились — его пылающий, полный одержимости, ее — наполненный смесью гнева и зарождающегося желания.

— Что, решил проверить, хорошо ли сидит твоя собственность? — едко бросила она, чувствуя, как дрожь пробегает по ее спине от его прикосновений.

Он усмехнулся, его дыхание обожгло ее кожу.

— Нет. Решил напомнить, кому принадлежат эти губы, что кусают себя от нервов. — Он еще раз поцеловал ее в шею, обняв за талию, и резко отпустил. — Кое-что не хватает твоему образу. Я жду тебя снаружи.

Когда Анна вышла, слегка опьяненная его наглостью, Нико стоял с небольшими бархатными коробочками в руках.

— Протяни руку, — приказал он мягко.

Она повиновалась. Его пальцы, удивительно нежные для таких сильных рук, застегнули вокруг ее запястья изящный браслет Cartier из белого золота, затем часы. Он вдел в ее мочки серьги, свисающие холодными каплями и покачивающиеся у открытых плеч. Драгоценности легли на нее идеально, как будто были созданы только для нее.

— Вот теперь другое дело, — удовлетворенно произнес он, оценивая ее взглядом коллекционера.

— Если ты думаешь, что драгоценностями покоришь меня, — выдохнула Анна, глядя ему прямо в глаза, — то ты ошибаешься. Мне важно совсем не это.

— Я знаю, — его голос внезапно стал тихим и серьезным. — Но я хочу, чтобы мой дьяволенок был во всем лучшем. — Он мягко поцеловал ее в щеку.

Анна покачала головой, невольно улыбаясь, и закатила глаза. «Безнадежный случай».

...

Бар, куда они приехали, был полон людей. Воздух гудел от голосов, смеха и страстных латинских ритмов. Нико, обменявшись с Марко многозначительным взглядом, мягко, но твердо направил Анну к стойке.

— Жди здесь. Никуда не уходи. Поняла?

Она кивнула, но, оставшись одна, заказала бокал белого вина. Потом еще один. Музыка проникала в кровь, а дверь в дальнюю комнату, куда ушли Нико и Марко, все не открывалась. От скуки и легкого алкогольного опьянения ее ноги сами понесли ее на танцпол.

Она закрыла глаза, позволив ритму управлять ее телом. И тут чья-то грубая рука обхватила ее за талию, прижав спиной к мужскому телу. Испуганный крик застрял в горле, когда она попыталась вырваться.

— Отстань!

Но ее тут же освободили. Между ней и незнакомцем, как тень, возник Нико. Он был стремительным и смертельно опасным. Одним движением он отбросил мужчину, заслонив Анну собой, его рука властно легла на ее спину, прижимая к себе.

— Извините, не заметил, что дама не одна, — пробормотал тот и поспешил ретироваться.

Нико резко развернулся к Анне. Его глаза горели черным огнем.

— Ты пьяна!?! — прошипел он, сжимая ее плечо. — Я же сказал тебе ждать меня, молча сидя у бара! Что в моих словах было непонятного?!

Вместо ответа Анна рассмеялась — хрипло, с вызовом. Алкоголь и адреналин сделали свое дело. Она одной рукой взяла его за лицо и быстрым, влажным движением чмокнула в губы.

— Танцуй со мной, — она не просила, она требовала, уже увлекая его за собой в центр танцпола, не отпуская его руку.

И он поддался. Его первоначальный гнев растаял, сменившись чем-то более темным и интенсивным. Его руки легли на ее талию, их тела слились в движении. Это не был танец, это был диалог на языке тел. Он вел ее уверенно, грубо, почти агрессивно, его бедра в такт музыке прижимались к ее, его руки скользили по ее обнаженной спине, опускаясь ниже. Она в ответ запрокидывала голову, ее руки обвивали его шею, пальцы впивались в его волосы. Дыхание сплелось воедино, взгляды пылали. Весь мир сузился до этого пятна на паркете, до его рук на ее теле, до музыки, бьющей в такт бешено колотящимся сердцам. Химия между ними достигла точки кипения, вот-вот готовая взорваться.

Внезапно он прервал этот чувственный трип. Не говоря ни слова, он резко наклонился, закинул ее, смеющуюся и протестующую, к себе на плечо и понес к выходу.

— Нико! Давай еще! Мое вино!

— Твое время истекло, дьяволенок, — прорычал он в ответ, шлепнув ее по бедру.

Марко, уже сидя за рулем Range Rover, смотрел на эту сцену с редкой для него улыбкой. Он включил зажигательную латину, и Анна, которую Нико усадил на заднее сиденье, тут же вылезла через люк, танцуя и распевая песни под ветер, который трепал ее волосы, пока они мчались по ночной трассе.

Через несколько минут она, запыхавшаяся и счастливая, опустилась обратно в салон и без всяких церемоний уселась к Нико на колени, обвив его шею руками.

— Ты невыносим, — прошептала она, глядя ему в глаза. Ее смех стих, сменившись внезапной серьезностью.

— А ты — сущее наказание, — он не стал отталкивать ее. Его руки легли на ее бедра.

— Я не знаю, кто ты. Не знаю, что твой мир готовит мне. Но я знаю одно... — она наклонилась ближе, их лбы почти соприкоснулись. — Я никогда в жизни не чувствовала себя так... живой. Это безумие. Это опасно. И я, кажется, влюбляюсь в это безумие. В тебя.

Это была правда. Первая в ее жизни по-настоящему безрассудная, всепоглощающая любовь.

Нико замер. В его глазах что-то дрогнуло, сломалось. Он не сказал «я тоже». Вместо этого он притянул ее к себе, перекинув ее ногу так, чтобы она сидела к нему лицом, полностью открываясь ему. Одна его рука крепко держала ее за спину, другая легла на ее ягодицу под ткань платья, властно прижимая ее к себе, к его нарастающему возбуждению.

— Ты моя, — прорычал он хрипло, и это было и признанием, и клятвой, и приговором. — С этого дня и до конца. Моя.

Их первый по-настоящему глубокий поцелуй был не нежным обещанием, а захватом, завоеванием, слиянием. В нем был вкус вина, страха, свободы и безумной, запретной страсти,

которая, наконец, вырвалась на свободу. Она отвечала ему с той же яростью, впиваясь пальцами в его волосы, полностью отдаваясь этому чувству, этому человеку, этой ночи. Химия достигла пика, и вселенная вокруг взорвалась миллиардом звезд.

Их поцелуй был миром, болью и обещанием, спрессованным в одно бесконечное мгновение. Но адреналин, алкоголь и эмоциональное истощение взяли свое. Страсть постепенно сменилась истощением. Движения машины, тепло его тела и ровный гул мотора подействовали на Анну как снотворное. Ее голова тяжело опустилась ему на плечо, а через пару минут она уже лежала, свернувшись калачиком, на сиденье, положив голову ему на колени, как доверчивый ребенок.

Нико не шевелился, боясь потревожить ее сон. Он смотрел на нее, и в его обычно жестких глазах было что-то неузнаваемо мягкое, почти ранимое. В свете проезжающих фонарей он изучал каждую деталь ее лица: темные ресницы, отбрасывающие тени на щеки, легкие веснушки у носа, ту самую родинку над губой, которую он целовал всего час назад.

Он медленно, почти с благоговением, протянул руку и убрал со лба выбившуюся упрямую прядь, заправив ее за ухо. Его пальцы на мгновение задержались на ее щеке, ощущая шелковистость кожи. В тишине салона, под аккомпанемент двигателя и тихого смеха Марко, слушающего музыку, в его голове звучали только его собственные мысли, громкие и безжалостные.

«Она вся моя жизнь. Вся. За какие-то двое суток она вошла в меня, как буря, и перевернула все, что я знал. Эта строптивая, бесстрашная, невероятная женщина...»

Он мысленно пролистывал их короткую, но такую насыщенную историю: ее испуганные, но полные решимости глаза в заброшенном доме; ее смех, когда она неслась на «Мустанге»; ее ярость и ее слезы. И этот поцелуй... поцелуй, который чувствовался как начало и конец одновременно.

И тогда на него накатила тяжелая, свинцовая волна реальности. *«Мне придется ее отпустить. Завтра. Самолет унесет ее обратно в ее безопасный, серый мир. А я останусь в своем, полном теней и опасностей».*

Эта мысль вызвала в нем физическую боль, острую и тошнотворную, словно у него вырывали часть души. Он только нашел ее. Нашел свое солнце, свой воздух, свою ярость и свою нежность. И должен был добровольно отдать это. Ради ее же безопасности.

Он сжал челюсть, глядя в темное окно, но его рука невольно снова потянулась к ее волосам, словно пытаясь впитать это ощущение, запечатлеть его в памяти навсегда. Он знал, что эти несколько часов пути — все, что у него есть. Завтра наступит утро, а с ним и прощание.

Но в глубине его темной, израненной души уже зрела другая мысль, твердая и непоколебимая, как сталь: *«Это не конец. Я найду тебя. Я очищу для тебя свой мир и верну тебя. Никто и ничто не заберет у меня то, что по праву мое. Ты — мое».*

А Анна спала, убаюканная стремительным бегом машины и теплом его рук, и ей снились латинские ритмы, горячие губы и черные глаза, полные обещаний, которые она еще не могла прочесть.

Резкий стук дверцы вырвал Анну из объятий тяжелого, похмельного сна. Она открыла глаза, и первое, что она ощутила — это дикая, пульсирующая боль в висках. Сознание возвращалось обрывками: горячий танец, его губы, ее смех, люк в крыше... Стыд и смущение накатили волной. «Боже, что я сделала? Это был не я... или была?»

Она осмотрелась. Машина стояла у ее отеля. На переднем сиденье Марко повернулся к ней с насмешливой ухмылкой.

— О, тусовщица проснулась! Доброе утро! — его голос резанул по больной голове. — Водички? Выглядишь чудесно, если что.

Но Анна смотрела не на него. Ее взгляд упал на Нико. Он сидел на пассажирском сиденье, неподвижный, как статуя. Его профиль был обращен к лобовому стеклу, скулы напряжены, а взгляд... взгляд был пустым и холодным, как лед. Тот самый взгляд, который она видела в первую их встречу. Тот, от которого по спине бежали мурашки.

— Приехали, — его голос прозвучал ровно, без единой эмоции, разрезая воздух, как лезвие. — У тебя есть десять минут, чтобы собрать вещи и выйти с подругой. Мы отвезем вас в аэропорт.

Его слова были настолько холодны и отстраненны, что Анна на мгновение онемела. Что случилось? Что она сделала не так? Вчера он смотрел на нее, как на единственное сокровище в мире, а сегодня... сегодня он смотрел сквозь нее. Внутри все сжалось в ледяной комок. Она ошиблась в нем. Очевидно, для него это было просто развлечением, ночной авантюрой, которая закончилась с рассветом.

Не сказав ни слова, она вышла из машины. Яркое утреннее солнце ударило ей прямо в глаза, заставив зажмуриться от боли. Шатаясь, она прошла в холл отеля и поднялась в номер.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась встревоженная Лена.

— Ань! Господи, я так волновалась! Где ты была? Что случилось?!

Лена схватила ее за плечи, осмотрела с ног до головы, и ее взгляд задержался на новых украшениях. Она свистнула.

— А ты... отлично выглядишь. Ммм... Cartier? — она подмигнула. — Видимо, время провела более чем продуктивно.

— Лен, не сейчас, — устало прошептала Анна, снимая с запястья часы и серьги и бросая их в сумку, как улики преступления. — Позже все объясню. Собирайся. Внизу ждет машина, чтобы отвезти нас в аэропорт.

Приняв ледяной душ, который не смог смыть с нее чувство стыда и горечи, Анна переоделась в свою удобную одежду — льняные шорты и просторную рубашку. Этот простой, практичный наряд стал ее щитом, возвращением к самой себе, к той Анне, которую он, казалось, стер за одну ночь. Они спустились вниз.

Нико и Марко стояли у машины. Лена, сияя, подошла к ним первой. Анна шла за ней следом, стараясь не смотреть в сторону Нико.

— Анна, а это, видимо, твои спасители? — весело начала Лена.

Анна, не снимая очков, небрежно бросила на ходу, глядя куда-то в сторону:

— Мальчики, это моя подруга — Лена.

Марко с изящной ухваткой галантного кавалера поднес руку Лены к своим губам, и в его глазах вспыхнул тот самый опасный огонек, который, казалось, обещал тысячу интриг.

— Очарован, — произнес он, и его голос прозвучал как бархатная угроза, приятная и тревожная одновременно.

Нико, напротив, молча взял их чемоданы. Его движения были резкими, отточенными и без единого лишнего жеста. Он уложил багаж в машину, демонстративно игнорируя Анну, его спина была напряжена, а лицо оставалось каменной маской.

Пока Лена и Марко обменивались колкостями и явно флиртовали, Нико подошел к Анне. Он сунул ей в руки бумажный стаканчик с горячим кофе и небольшой бумажный пакет.

— Как самочувствие? — спросил он, но в его тоне не было ни капли заботы, это была формальность. Взглянув на ее бледное лицо, он коротко бросил: — Ешь.

Внутри лежал теплый, слоеный «пастель де ната». Этот жест доброты в море его жестокости сбил ее с толку, но она лишь молча кивнула.

В машине царил странная атмосфера. Лена, сидя рядом с Анной, не могла скрыть восторга и постоянно переводила взгляд с Марко на Нико, лукаво улыбаясь.

— Так вот с кем ты пропала! — прошептала она Анне на ухо. — Ну теперь я все понимаю! Тебе было явно не до меня! Так что между вами? Боже, Ань, я уверена, ты по уши втюрилась в этого брутального красавца!

Анна видела, как Нико в зеркале заднего вида усмехнулся — нахально, самодовольно. Ее внутри все перевернулось от ярости.

— Лена, хватит, — резко одернула она подругу, а потом, глядя прямо на его отражение в зеркале, холодно добавила: — И сотри с своего лица эту ухмылку, Нико.

В аэропорту Лена, верная своему стилю, всех обняла, чмокнула Марко в щеку и с сияющими глазами обменялась с ним номерами, пообещав написать сразу после прилета.

Анна и Нико остались стоять в стороне. Воздух между ними сгустился от невысказанного, от боли предстоящей разлуки. Но перед тем как она успела сделать шаг к Лене, Нико мягко, но неотвратимо взял ее за локоть и отвел в сторону, за колонну, подальше от чужих глаз.

— Анна, — его голос звучал низко, без прежней холодности, но и без слабости. — У меня есть для тебя ключ.

Она смотрела на него, ничего не понимая.

— Ключ от дома. От того самого дома. Он твой. Всегда был твоим с той секунды, как ты вошла в него. Я все исправлю. Привезу туда людей, которых могу проверить. Огорожу весь периметр так, что ни одна муха не проскочит без моего ведома. Там будет безопасно. Ты сможешь рисовать. Жить. Быть счастливой. Останься.

Он говорил быстро, сжато, как будто выучил эту речь, но в его глазах горела искренняя, почти отчаянная убежденность.

Анна слушала, и сердце у нее разрывалось на части. Каждая клетка тела кричала «да». Но разум, испуганный и практичный, уже видел картину: заборы, камеры, охранники, вечная тень его мира над крышей с синими ставнями. Это была бы не свобода. Это была бы самая красивая тюрьма на свете.

— Нет, — сказала она тихо, но так четко, что он вздрогнул, будто от удара. — Нет, Нико. Я не могу.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь собрать разлетающиеся мысли в связные слова.

— У меня там, в Москве, не просто серая жизнь. У меня есть обязательства, которые я не могу нарушить. Проект, который я веду — от него зависят десятки людей. Квартира в ипотеке, за которую я несу ответственность. Лена, которая связала со мной все свои планы на эту поездку и на возвращение. Я не могу просто всё бросить и исчезнуть. Я не ты. Я не могу жить, не оглядываясь на последствия своих поступков для других. Моя свобода — это не побег от всего. Она внутри, несмотря ни на что. А твое предложение... это побег. Красивый, желанный, но побег. И он построен на том, чтобы отрезать меня от всего моего мира. Я не могу так поступить. Не с теми людьми, которые на меня рассчитывают.

— Почему? — в его голосе впервые зазвучало что-то, похожее на растерянность. — Я обеспечу тебе все. Я покрою любые твои долги, решу любые проблемы. Твои люди не пострадают.

— Это не в деньгах дело! — вырвалось у нее, и голос ее наконец сорвался, прорвав плотину сдержанности. В глазах выступили предательские слезы. — Это в выборе! Ты предлагаешь мне жизнь в твоём мире, по твоим правилам. Даже с самыми лучшими намерениями. Но этот мир — твой, Нико. Не мой. Я не хочу просыпаться с мыслью, что за моим забором может быть засада! Я не хочу жить в реальности, где стреляют и где безопасность покупается ценой постоянной бдительности и отчуждения! Я не выживу в этом. Я юрист, а не солдат. Я не такая сильная, как ты думаешь. И моя сила — не в том, чтобы прятаться за высокими стенами. Она в том, чтобы жить своей жизнью, со всеми ее сложностями и обязательствами, и находить в этом свет. Даже если он не такой яркий, как твой.

Она сделала шаг назад, отвернувшись, сжимая зубы, чтобы не разрыдаться тут же, на глазах у всех. Она должна была уйти. Сейчас.

Но он не дал ей этого сделать. Он резко, почти грубо развернул ее к себе. Его рука, большая и теплая, легла ей на щеку, пальцы вцепились в волосы у виска. Он не просил разрешения. Он наклонился и поцеловал ее.

Это был не поцелуй вчерашней ночи — яростный, властный, пьяный от страсти. Это был поцелуй-прощание. Нежный, бесконечно грустный, полный той самой запретной нежности, которую они так боялись показать. Его губы пили ее боль, ее слезы, вкус ее отчаяния. И она ответила. На мгновение забыв обо всем — о страхе, о разуме, о завтрашнем дне, об обязательствах. Отдаваясь этому последнему мгновению чистоты между ними.

Когда он оторвался, в его глазах стояла та же буря, что и в его душе. Ни слова не сказав, он одной рукой все еще придерживал ее лицо, а другой быстро и незаметно сунул что-то в открытый карман ее сумки.

— Живи, — хрипло прошептал он. И отпустил.

Он развернулся и пошел к машине, не оглядываясь. Его спина была прямой, а шаги — быстрыми и решительными. Он сел в Range Rover и захлопнул дверцу.

Марко, наблюдавший за сценой с деланным безразличием, тем временем ловко договорился с носильщиком, погрузившим чемоданы Лены и Анны на тележку. Он обменялся с Леной номерами, со своей фирменной, опасной улыбкой пообещав «обязательно нагреть в гости в Москву». Лена сияла, совершенно очарованная.

Анна стояла, прижав пальцы ко все еще горящим губам. Потом медленно, на автомате, пошла к Лене и контролю. Она не оборачивалась. Она знала, что не выдержит, если снова увидит его лицо.

Только в самолете, когда Москва была уже через несколько часов, она полезла в сумку за платком. Ее пальцы наткнулись на что-то холодное и металлическое. Она вытащила это.

На ладони лежал ключ. Один-единственный, старинный, тяжелый ключ. На простом кожаном шнурке к нему были прикреплены два предмета: маленькая, искусно вырезанная из темного дерева фигурка в виде той самой синей ставни, и небольшой кожаный адресник. На адреснике четким, почти официальным шрифтом был вытиснен адрес: Quinta das Azulejos, Алгарве.

Она сжала ключ в кулаке так, что края впились в кожу. Она закрыла глаза. За иллюминатором расстилались белые облака, унося ее все дальше от Португалии, все ближе к долгам, проектам, обязательствам и той «серой» жизни, от которой она бежала и в которую теперь возвращалась. Но в руках теперь лежал кусочек того самого дома. И того самого человека, который не умел отпускать.

И, прижимая холодный металл к груди, она понимала, что самое страшное — это не то, что он не отпустил ее. А то, что она, в глубине души, уже и не хотела, чтобы он это сделал. И что этот ключ был не просто металлом, а воплощением самого трудного выбора в ее жизни — между долгом и мечтой, между безопасностью и свободой, между миром, который она знала, и человеком, которого боялась полюбить.

Глава 14. Приглашение домой

Глава 14. Приглашение домой

Возвращение в Москву было похоже на погружение в серую, густую воду. Но прежде чем рутина поглотила её полностью, Анне предстояло самое трудное — закрыть дверь в свою прежнюю жизнь.

Возвращение в московскую квартиру было похоже на вход в заброшенный музей ее прошлой жизни. Сергей встретил ее на пороге, его лицо было искажено гримасой гнева. Воздух в прихожей был спёртым, пахнувшим старыми обидами.

— Ну что, нагулялась? — начал он, его голос грохотал, как гром. — Две недели португальского курорта, пока я тут ипотеку платил!

Анна прошла мимо него, как сквозь пустоту. Его слова долетали до нее приглушенно, будто из-за толстого стекла. Она сняла пальто, аккуратно повесила его и, наконец, повернулась к нему. Ее взгляд был спокоен и пуст.

— Сергей, сядь. Нам нужно поговорить.

Ее тон — тихий, но стальной, заставил его на секунду умолкнуть. Он грузно опустился на диван.

— О чем говорить? О твоих побегах?

— О нас, — поправила она его. Она села напротив, глядя ему прямо в глаза. — Мы оба знаем, что между нами ничего не осталось. Ни любви, ни уважения, ни даже дружбы. Мы живем вместе по привычке, как два соседа по комнате, которые давно друг другу надоели.

— Что за чушь? У нас общий быт, обязанности...

— Общий быт — это не повод губить друг другу жизнь, — мягко, но твердо перебила она. — Сергей, мы несчастливы. Мы были несчастливы еще до моего отъезда. Я не хочу так больше. Я подам на развод.

Он смотрел на нее, и в его глазах читалось не столько горе, сколько удивление и уязвленное самолюбие. Но, к ее собственному удивлению, он не стал спорить. Он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу.

— Ладно. Если ты так решила... Может, ты и права. Мы... мы действительно давно чужие.

Их разговор стал чисто техническим, деловым. Он был почти копией того, что она представляла в кофейне, только теперь это звучало в стенах, которые она когда-то называла домом.

— Я просчитал варианты, — сказал он уже более ровным, офисным тоном. — Квартиру делить нецелесообразно — проще, чтобы она полностью отошла мне. Ты вложила в ремонт, я знаю. Я выплачу тебе твою долю от оценочной стоимости. Чисто, без эмоций.

Анна смотрела на него и не чувствовала ничего. Только пустоту и странное облегчение. Это был конец эпохи.

— Хорошо, — кивнула она. — Квартиру — тебе. Я заберу только свою машину и личные вещи.

— Машина тоже в кредите, — тут же парировал он, вернувшись к своей роли строгого бухгалтера.

— Я её погашу и продам, — спокойно ответила Анна. — Деньги будут моими. На этом всё.

Он пожал плечами.

— Как скажешь. Юристы оформят. Удачи, Анна.

Он не протянул руку. Она тоже не стала. Она просто собрала несколько сумок с самым необходимым — одеждой, несколькими книгами, личными безделушками, — и вышла из квартиры в последний раз. Дверь закрылась за её спиной с тихим щелчком, похоронив шум прошлой жизни.

Она переехала к Лене, в её уютную, вечно немного захламлённую двушку в старом центре. Лена встретила её с распостёртыми объятиями, шампанским и обещанием «устроить вечеринку по случаю возвращения к нормальным людям». Но вечеринка не удалась. Анна физически присутствовала, улыбалась, шутила, но свет в её глазах, тот самый, что зажётся в португальском доме, погас. Его поглотила серая московская обыденность. Она работала на износ, закрывая проект, днём ходила в офис, а ночами, когда Лена уже спала, сидела у окна и смотрела на мокрый асфальт, перебирая в пальцах холодный металл ключа с деревянной ставней.

Она стала призраком в собственной жизни. Перестала рисовать. Краски, купленные в надежде, пылились в углу. Она выполняла всё механически: работа, сон, еда. Даже с Леной говорила всё меньше, уходя в себя.

Так прошёл месяц. Однажды вечером, после особенно тяжёлого дня, они ужинали наскоро приготовленной пастой. Анна молча ковыряла еду вилкой, уставившись в одну точку.

— Хватит!

Лена резко хлопнула ладонью по столу, заставив Анну вздрогнуть.

— Я больше не могу на это смотреть! Ты себя убиваешь! Ты тут, но тебя нет! Ты стала тенью!

— Лен, не надо... — устало начала Анна, но подруга её не слушала.

— Нет, всё! Молчи и слушай! — Лена встала, подошла к комоду и вытащила оттуда маленькую шкатулку. Она поставила её перед Анной со стуком. — Открывай.

Анна нехотя подняла крышку. Внутри, на чёрном бархате, лежал тот самый ключ от дома в Алгарве. Анна всегда носила его с собой, но сегодня утром в спешке оставила на тумбочке.

— Я его забрала, — без тени сожаления заявила Лена. — Потому что знала, что ты будешь просто носить его с собой, как талисман, и медленно сходить с ума. Но это не талисман, Ань. Это билет. В один конец.

Анна смотрела на ключ, не в силах отвести взгляд. В груди что-то ёкнуло, заныло.

— Мы едем. Завтра ты идёшь и пишешь заявление об увольнении. Я поговорю со своими — у нас как раз можно взять пару месяцев на удалёнку. Я помогу тебе всё устроить там. Распаковать вещи, освоиться, понять, как что работает. Я буду с тобой, пока ты не встанешь на ноги. А потом... — Лена сделала паузу, и её голос смягчился. — Потом я буду просто приезжать к тебе в отпуск. Греться на твоём солнышке, пить твоё вино и слушать, как ты счастлива. Но для этого тебе надо сделать шаг. Самый страшный шаг в жизни. Решиться быть счастливой. Для себя. А не для ипотеки, не для проекта, не для кого-то. Для себя.

Слёзы, которые Анна так долго сдерживала, хлынули ручьём. Она не рыдала, просто тихо плакала, глядя на ключ и на решительное лицо подруги, которая, казалось, верила в неё больше, чем она сама.

— Я... я боюсь, — прошептала она.

— И правильно делаешь, — Лена села рядом и обняла её за плечи. — Бойся. Но делай. Потому что то, что происходит с тобой сейчас — это не жизнь. Это прозябание. А ты заслуживаешь большего. Ты заслужила этот дом. И того мужчину, каким бы опасным он ни был. Он дал тебе выбор. Так сделай его. Выбери себя.

Этой ночью Анна не спала. Она сидела на полу, обняв колени, и думала. Вспоминала запах оливы в саду, бирюзовый свет в гроте, яростную нежность в его поцелуе на прощание. И холодную пустоту московских будней. Страх был огромным, всепоглощающим. Страх неизвестности, страх его мира, страх снова оказаться слабой и сбежать. Но страх остаться здесь, в этой серой ловушке, был сильнее.

Утром она сделала это.

Она пришла в офис и написала заявление. Разговор с начальником был коротким и напряжённым, но она стояла на своём. Она продала машину, закрыв кредит, и получила

небольшую, но живую сумму. Собрала все свои сбережения — скромные, но достаточные на первое время. Она взяла с собой только самое необходимое: одежду, пару книг, набор кистей и тюбики с красками, которые купила в Лиссабоне. Всё остальное — тяжёлое, ненужное, напоминающее о прошлой жизни — она оставила.

Лена, как и обещала, договорилась о работе на удалёнке. Она упаковала свой ноутбук и заявила, что это будет её «рабочий отпуск в стиле digital nomad».

Через неделю они стояли в аэропорту Шереметьево с двумя чемоданами и рюкзаками. Билеты в Лиссабон были в их телефонах. Ключ от Quinta das Azulejos Анна держала в руке, сжимая его так, будто он был якорем в бушующем море сомнений.

— Готова? — спросила Лена, сияя авантюрной улыбкой.

Анна посмотрела на ключ, на деревянную ставню, на вытисненный адрес. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как лёд в груди начинает таять, уступая место чему-то новому — тревожному, но живому.

— Да, — сказала она, и это было её новое решение. Её выбор. — Поехали домой.

Самолет оторвался от земли, унося ее прочь от серой Москвы. На этот раз — навсегда. Она не смотрела в иллюминатор на удаляющийся город. Она смотрела вперёд, туда, где её ждал дом с синими ставнями, заброшенный сад и невысказанные обещания. И человек, который сказал «Живи». Она наконец-то решила последовать его совету.

Глава 15. Возвращение к синим ставням

Глава 15. Возвращение к синим ставням

Шум двигателя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.